

НА ЧЕТЫРЕ ГОЛОСА

Вадим Доветров
Ирина Грацинская
Ирина Косых
Алексей Антонов

вступительная статья
Сергея Шулакова

БЕЛКИН
МОСКВА
2013

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Белкин» вообще-то прозаический кружок. В целом в «Белкине» пишут строго в строчку.

Но попадаются-случаются и злостные нарушители, оформляющие свои мысли и чувства в столбик.

Я их отследил, отловил, собрал вместе. И получилась какая-никакая книжка.

Ну получилась там – не получилась – другой отдельный вопрос.

Однако – вот она.

Составитель

© ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК БЕЛКИН, 2013

НА ЧЕТЫРЕ ГОЛОСА

поэтический спецвыпуск альманаха

литературного кружка «Белкин»

при Литературном институте им. А.М. Горького

Идея

АНТОНОВ

Обложка

ГРАЦИНСКАЯ

Вёрстка

ШЕЛАПУТИН

Сергей Шулаков

ЗНАК ЧЕТЫРЁХ

Спустившись по своим ничтожным делам в метро, автор этих строк попал в колдовской мир. В вагон входили и выходили юноши и особенно прекрасные девушки, дорого и с большим вкусом одетые, ухоженные, ясноглазые. Их дыхание распространяло запах сказочных лесов и лугов, самые мимолётные их движения были полны изящества. У некоторых за аристократической осанки спинами покоились футляры с музыкальными инструментами, издающими, должно быть, удивительные, нежные звуки. Но и без того их речь, слышная во время остановок, когда они, общаясь, одаривали друг друга искренними, веселыми и доброжелательными улыбками, мелодично вызванивала слова, полные любви и бесконечного понимания. Автор этих строк бережно, словно драгоценный свиток, извлёк распечатку поэтического сборника «Белкин». К концу поездки, однако, пришлось ощутить обычное состояние подземки, где тебя мощно отшвыривают старухи, пристают попрошайки, хамят темные лицом приезжие, валяются наглые зловонные бомжи, едут по своим делам бродячие собаки, беснуются неврастеники.

Четыре поэта – у каждого, кроме автора с вызывающим псевдонимом Вадим Доветров, у которого электричка, есть

стихи о метро – четырьмя отчетливо современными голосами высказываются о мире, в котором есть место только одному. Даже схождение в сборнике литературного кружка «Белкин» не есть сближение, так сходятся на экране подсоединённого к телескопу монитора актуальные по нынешним временам ядра комет, осколки планет – каждый сам с собой, в себе, для себя. Каждый себе мирок – отрубленный, замкнутый и замороченный. Всех четверых объединяет своеобразный поэтический реализм. Вадим Доветров пишет о временах, когда «тот, кто брал Берлин, был едва седым». О том, как огромное дерево, вмещавшее и словно даровавшее прогулам уроков, затрате сил на решение пустых проблем, сначала превратилось в огромный, страшный, как плаха, пень, а затем на том месте организовалась абсолютная пустота, «пойдёшь туда, и не вернёшься...». Здесь вовсе не уход от реальности, а особого рода наблюдательность. И снова возвращение в прошлое: мальчишка, стоящий под громкоговорителем, слушающий о пленении Паулюса, это Евгений Рейн.

Ирина Грацинская в цикле «Любовь» наиболее осязаемым образом демонстрирует характерную для всех участников сборника, и все же какую-то запредельную откровенность. Ее мир женский, он еще словно в себе – в стихотворении «От мира» и еще в нескольких колени прижаты к груди, поза зародыша. Но в силу своих свойств, словно черная дыра, старается присвоить, поглотить условного «его». То подминает его окотившейся кошкой, то мечтает купить себе его запах, напоминающий запах утренних маминых сырников. Смелые стихи, перед которыми Земфира – лирический младенец с погремушечными образами.

Третья общая черта не только участников сборника «Белкин», но и огромного большинства современных поэтов – неизбывная, пугающая неизбывностью безнадежность видна в стихах Ирины Косых. Вот совершенно Бродское «Будет муж мне» – «Тихий безнадежный алкоголик / С красными усталыми глазами». Вот «Семидесятилетний профессор с раком поджелудочной железы». Майор Евсюков, тот милиционер, что

устроил стрельбу в супермаркете – его «доконала родная страна», что убедительно. Про принципиальную невоплощаемость мечты – девушка, у которой всего-то и есть, что друган Серёга, и у него срывает башню, и она баюкает его, как ребёнка, напевая «Прекрасное далёко». Тщетное заклинание мироздания: «не будь ко мне жестоко». Предчувствие старения в «Зависти». И, как муж–котёнок–ребёнок у Ирины Грацинской, малолетка–муж у Ирины Косых.

6 Лирический герой в герое «Души поэта» Алексея Антонова наг и бос, Бах и Босх, но сам герой в «порше». Однако это всего лишь фигура речи. Уже в следующем стихотворении «Бизнес–ланч» ты не принц, хотя не нищий, но царевна от тебя все равно уйдёт. За мнимой простотой средств мощная ирония – «(Хотел было сказать: на стогнах, / На поприщах в известном смысле, / Но мой издатель не настолько / Погряз в интеллектуализме)» – стансы «Нехитрые предметы». Философское стихотворение «Предварительные итоги века» прямой ответ на «Помню как меня наставлял отец» Вадима Доветрова. Алексей Антонов не избег откровенной и реальной женской «Доли» – «Отыскать мужчину, / Чтоб хоть пил сивуху, / Но и домом правил». Безднадёжность читается в «Образе жизни», в стихах «Но жив», и особенно в «Переходе туда», а совсем уж остро в «Конце концов», «в холодном ночном ледяном огне». Для руководителя уважаемого литературного кружка «Белкин» при Литературном институте такое осуждение собственным авторитетом прочих участников сборника несколько неожиданно, ведь вопрос остаётся открытым.

Что же в–четвёртых, «в–главных»? Явно не форма – она от регулярных ямбов до свободного стиха. Надежду даёт опора на классический опыт в сверхрациональном смысле. Прямо – упоминаниями, эпиграфами, у Ирины Косых есть даже одна парафрастическая «Дыша духами, сигаретами», дерзкий ответ нескольким нашим классикам. И косвенно, строгой, точно просчитанной ритмикой Алексея Антонова. Образностью: фронтовиками Вадима Доветрова и маленькой поэмы Антонова «Ретирада», ответе мамелюка бегущему Наполеону о стоящих

под снегом мертвецах на Бородинском поле, которые живыми не отступили, а мёртвыми не пали. Эта надежда не бежит по кабелю к валику принтера, не прорывается сквозь страницы с символами. Она в пространстве интеллектуального, в предчувствии, её невозможно запечатлеть, но она одна – спасение. Кружок «Белкин» славен много чем, только не консерватизмом, и все же собирающиеся в него научаются её разглядеть, на неё указать.

Вадим Доветров
ЗДЕСЬ РАНЬШЕ ДЕРЕВО СТОЯЛО

ПРОСТИТУТКИ НА ЛЯПУНОВА

*В Москве среди прочих есть улица Ляпунова.
На этой маленькой слабо освещённой улице
стоят всемирно известные институты
ФИАН, ИОФАН и ещё один.*

Проститутки на Ляпунова.
Это было когда-то так ново.

В свете фар вдоль физ-хим институтов
Золотые ряды проституток.
Проститутки... Скажете тоже.
Они слишком на многих похожи.
Но казалось - с другой планеты
Эти Розы и Виолеты.

Я теперь не горжусь, не стыжусь.
Я в последний троллейбус сажусь.
Чтоб на толстом стекле надышать
Небольшой, но достаточный круг.
И смотрю как в прицел, не дыша,
На вмерзающих в землю подруг.

Ты приятель судьбой не гордись,
И в такси никогда не садись.
На троллейбусе тише и лучше.
Он не синий, но тоже печальный.
И запомни, на всякий случай:
Ляпунова, в самом начале.

ЗДЕСЬ РАНЬШЕ ДЕРЕВО СТОЯЛО

В нашем районе на прошлой неделе
власть захватили гештальт-дровосеки.
Почтамт, телеграф и автобусная остановка
сдались без боя.
И только круглосуточный цветочный ларёк
всю ночь
отстреливался из 26-ти гранатомётов.
А когда, наконец,
гранаты закончились,
цветочный ларёк открыл кингстоны,
и затопил весь район
своим говном.

Здесь раньше дерево стояло.
На землю жёлуди роняло.
Играла в прятки детвора.

Потом здесь херились уроки
В том веке при царе горохе.
Хорошая
Была пора.

Покуда дерево стояло,
Здесь собирались постоянно,
И выясняли,
И курили.
Ты помнишь, дерево пилили?

Был тёплый день, летали мухи.
И дерево, раскинув руки,
Во имя жизни, солнца ради
Лежало поперёк двора,
И ветер листья лихорадил.
Ты помнишь, стоны топора?

Остался пень -
Большой, широкий.
Уже другая детвора
Здесь дружно херила уроки.
Хорошая была пора!

Шли годы, бурь порыв мятежный...
Ты мне не веришь, друг мой нежный?
Сходи туда в начале дня.
Там нет ни дерева, ни пня.
Но не бывает место пусто?
Напрасно ты мой друг смеёшься.
Там пусто, абсолютно пусто.
Пойдёшь туда, и не вернёшься.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Зачали девочку на стройке.
Училась девочка на тройки.

Но в долгий високосный год,
В один из дней она найдёт
Заговорённую игрушку -
Такую маленькую пушку,
И станет девочка стрелять.
Сначала в тех, кто скажет «блять»,
Потом в других, потом в четвёртых....

- У нас и так немало мёртвых,
Играла б в мяч – ей скажет мама.
- У нас живых ещё не мало! –
Отрежет дочь железной речью,
А мячик ваш утонет в речке!

Неправда! – крикнет мама нервно.
...А мячик медленно, но верно.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В РОТЕ

... И завтра настало - мозоли не лгут,
дороги осталось на десять минут.

Гражданские мысли затоптаны в плац,
последние листья дымят как матрац.

Ведут будто беглых в забытый острог,
последние метры, разбитый порог.

Под окрик старшинский сапог на ступень,
как жгут медицинский затянут ремень.
Пилотка на уши, удавкой крючок,
и тонок и узок подворотничок.

В учебке сказали - не бойся, но верь,
как обухом сзади захлопнулась дверь.

Хозчасть, умывальник, портянки с начёсом,
Чубастый дневальный мусолит расчёску.

По моде солдатской подшит и ушит,
и бляха на яйцах блестит от души!

Сержанты, торчки, черпаки, дембеля,
в десятку зрачки - как в бетон дюбеля.

Тувинцы, чечены, даргинцы, таджики.
Не так страшен чёрт? Другим расскажите!

Десятки наречий, косые углы,
нарезаны взгляды как будто стволы.

И каждый сверкает звездой и кирзой,
и смех из каптёрки - негромкий, но злой.

Казарма гудит как в Чимкенте вокзал.
Забудь об уставе! - кусок мне сказал.

Как тень обезволен, бесплотен как дух,
кто не был – тот будет,
и нем я и глух.

Надраенный кафель искрится как снег,
кто был – не забудет,
один против всех.

МИНОТАВР

*Сила действия равна силе противодействия.
Ньютон, 3-й закон.*

Из местных, пьяный пуп земли
Над пассажирами глумится.
Ему б сражаться в Сомали,
А он не может похмелиться.

Посёлок типа лабиринт,
Здесь начинается Рассея
Под небом цвета чёрный бинт
С груди последнего Тесея.

Когда закончится забор,
Начнутся сказочные дали,
Когда закончится забор...
Забор закончится едва ли.

Автобусный теснился круг,
Теснился страх в грудной воронке.
Я тоже слышал, что он крут,
И скромно ёжился в сторонке.

Дымились листья, моросило.
Шептались бабки: Что за сила!

Давным-давно Ньютон сказал,
Для всех сказал подряд три раза.
И от метро Речной вокзал
Уже отъехали Камазы.

Они не знали, что он пуп,
 Что крут.
 Свалили и пинали.
 Но бычий не сломали круп.
 И даже жаль, что не сломали.

***

Никогда он не был ведом.
 Он знал, где берёза, а где осина.
 Сначала
 Построил дом.
 Затем
 Родил сына.

Он всё давно для себя решил.
 Постиг, как растёт EBITDA.
 Сколько мела он искрошил
 От кредита до голден кредита.

Он будет спокоен на смертном одре,
 Ибо пройдены все этажи.
 Он умрёт на вдохе, умрёт на заре.
 Он дал сыну путёвку в жи...знь!

Он не зря удваивал ВВП,
 Отказался от всех в/п.
 Пусть лагает Спартак, пусть лагает БГ,
 Сын его сдаст ЕГЭ!

И у сына начнётся карьерный рост,
 И тогда он спокойно пойдёт на погост,
 И будет счастлив на смертном одре,
 И умрёт на вдохе, умрёт на заре.
 Всё хорошо у него,
 Он дал сыну в/о!

ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ

Улица будто в коме.
 Ужели и впрямь так поздно?
 ...Он набирает номер,
 Затем набирает воздух.

Гудки, разговор короткий
 И бесконечный зуммер.
 Из телефонной коробки,
 Как человек разумный,
 Он выйдет не в лучшем виде:
 Земли под собой не видит,
 Стоит, и в карманах шарит
 Как эрудит в полушарьях.

Две пачки, две зажигалки –
 Всё у него в порядке.
 С такой педантичностью жалкой
 Надо возделывать грядки
 Картошек австро-немецких,
 А не звонить Персефонам,
 Не занимать советских
 Правильных таксофонов!

Курит. Не взять, не дать
 Расстроен. Глаза блестят.
 Смешно за ним наблюдать
 Двадцать-то лет спустя.

***

**уличная тарелка –
громкоговоритель вогнутой формы.*

Зимою в сорок третьем,
Дыханье затая,
Мальчишка семилетний
На Сретенке стоял.

Январский мёрзлый уголь,
Печатниковский двор,
У тёток верный угол
Он помнит до сих пор.

Спустился с крыши голубь,
Работает метро,
Сейчас
Раздастся голос
От Совинформбюро.

Я представляю мелкий
Московский снежный пух,
Мальчишка под тарелкой*
Весь
Превратится в слух.

Он выдохнет как надо,
И диктор повторит:
В боях под Сталинградом
Фон Паулюс разбит.

Мальчишку звали Женей,
Точнее Женей Рейн.
Об этом пораженьи
Не ведал Третий Рейх.

***

*Дай, Джим, на счастье лапу мне
Сергей Есенин*

Возле станции в башне кирпичной
Две сестры за квартетом скрипичным.
И дымится картошка в мундире
В однокомнатной съёмной квартире.

Расскажи мне, что возле той башни
Все собаки на Джима похожи.
И висят вдоль дороги рубашки,
И идут за прохожим прохожий.
В чём виновен ты, в чём не виновен –
Это мне, предположим, не внове.
Никого в придорожном трактире.
Расскажи мне о девочке Ире.

Закипает вода в самоваре,
Через край самогон голубой.
Пахнет хлебом в ближайшем тонаре,
И машины шумят как прибой.

Мы накормим собак у подъезда,
Назовём этот город уездным,
И пойдём переулком открытым,
Широко загребая листву,
Вдохновенные как танаиты,
Непонятные по существу.

То ли тучи плывут друг за другом,
То ли судьбы увязаны цугом,
Но не любят тебя в этой башне,
В этом мире и в этой квартире.
Расскажи мне, прокашляй, прокашляй,
Расскажи о красавице Ире.

***

Помню, как меня наставлял отец:
 Закрывай глаза, и считай овец!
 Кинескоп дымил, не успел остыть,
 А Харламову ещё жить и жить.
 Ухал мяч в забор, я пугал ворон.
 Ветер дул во двор с четырёх сторон.
 Если б я считал перед сном слонов,
 Я бы душу свил из прекрасных снов.
 Сквозь волшебный шар я б на мир глядел,
 Я бы свил судьбу из великих дел.

Но мерцал фонарь, и стелился дым.
 Тот, кто брал Берлин, был едва седым.
 За оврагом кран подавал раствор,
 И считал овец перед сном весь двор.
 Наставлял сосед: поминай войну,
 Две 0.5 бери, горсть земли одну.
 Не родит земля вся в поту на штык.
 Не в чести коньяк, не в чести шашлык.

Пару лет назад умер мой отец.
 Эта весть пришла от чужих сердец.
 Эта весть пришла два часа назад.
 Засыпай сынок, закрывай глаза.

АНГИНА

Я слышал у тебя ангина
 и потрясение основ.
 И Дон Жуан куда-то сгинул,
 и Дон Кихот исчез из снов.

Ты мне писала, что одна –
 в тоске, в простуде, без надежды....

Мы выпьем все, что есть до дна,
 и свалимся в постель в одеждах.
 Мы свалимся в постель как в снег,
 как в яму, ляжем как в могилу,
 и больше не поднимем век!
 Ну, в общем, вылечим ангину.

***

Дача пропита как мобильник.
 Не вернутся почтовые голуби.
 Заведи на пораньше будильник,
 Чтоб успеть искупаться в проруби.

Завтра пристав придёт за ключами,
 И де-юре станет де-фактом.
 Всё пропили, нет даже чая.
 Ну а мы и не чаем как-то.

***

Вспыхнет взволнованно спичка,
 Вот и закончился век.
 Борзо летит электричка
 На пастернаковский снег.

Тамбур. Замёрзшие двери.
 Рядом согбенная мать.
 Я никогда им не верил,
 Им только дай погадать.

Ветер за окнами свищет,
 Бабка бормочет в усы:
 - Ночью пойдёшь на кладбище,
 Там закопаешь трусы.

Голос простуженный, севший,
 Речь точно новый мотор.
 Вижу – сказала – рисепшен,
 Вижу жк монитор.

- Осень, 2003-й,
Офис на Чистых прудах.
Деву прекрасную встретишь,
Всю в невозможных трудах.

- Вижу: играет в «Героев»
Девушка каждую ночь,
Замки эльфийские строит.
Что-то сынок мне невмочь...

- Вижу 2003-й,
В мелкий горошек бельё.
Деву хорошую встретишь,
И позабудешь её.

***

У станции высотный дом.
Как много дум наводит он.

Недавно здесь стоял камыш,
И сыроежки собирали.
И механическую мышь
Палёной водкой протирали.

Та механическая мышь
Давно уж там же где камыш.

Теперь оптический девайс,
Он и надёжней и удобней.
И говорят, всё будет айс,
Ещё чудней и бесподобней.

А время будто секундант,
Шаги сужает против правил.
Оставь надежду, скажет Дант.
Уже сказал? Уже оставил.

Один убит, другой зачах.
- У гроба, мужики, есть ручки!
Спасибо, мы уж на плечах,
Удобнее не значит лучше.

А как въезжали! На ура
Несли на пятый пианино.
На нём как будто бы вчера
Ещё не спившаяся Нина,
Прекраснейшая из невест,
К Элизе целый день играла,
И не слышать ещё окрест
Шагов бараньего кагала.

Быть или не быть, вопрос ребром?
Да нас уж нет! И ёк и ноу.
Огромный одинокий дом,
Как будто тонущий дредноут.

Сейчас зажжётся в окнах свет,
Хмелея в остроте момента.
И выйдет дворник на проспект,
Красивый дворник из Ташкента.

ОТЪЕЗД

Ты ходишь по комнате полунагая.
Ты вещи пакуешь, а я помогаю.

Мы счастье пакуем в пакеты и сумки:
Пожитки, полжизни, последние сутки.

Ты плачешь, а я - в утешенье - смеюсь,
Ведь ты уезжаешь, а я остаюсь.

Как два бегемота мы трёмся боками,
Пакуя в коробки тома Мураками.

Как девушке жить без трудов Мураками?
Смешались носки с носовыми платками,

Последние фото и первые фото,
Любовь и разлука – земля и пехота,

Любовь и обида, решимость и жалость,
Не как у Облонских, но как-то смешалось.

Настенные карты животного мира,
Плакат Арагорна, набор транспортиров,

Пластмассовый аист, дискеты, помада,
Лягушки, ракушки, открытки – всё надо.

Засыпаны стулья, столы и кровати,
Я в россыпях этих как бомж в сладкой вате.

Ты всё бы оставила мне на хранение
Как радости стружку, как стихотворенье.

Оставишь, а я позабуду про них....
Вон аист уже головою поник.

Ты выбросишь всё, если я помогу!
Есть веник, скребок, но и я не смогу.

Железный скребок, а мы сентиментальны,
У нас Мойдодыр всё не выйдет из спальни.

Мы просто играем как в фанты - азартно.
Ты едешь совсем, мы простимся: "до завтра".

Присядем. Да что уж, приляжем некстати
Среди барахла у разбитой кровати.

Нам в кайф кавардак, нам порядок противен!
В оконный проём в золотой паутине

Сентябрь подмосковный дохнул мне в лицо:
Три пятиэтажки, качели, крыльцо....

Вон там мы купили большой «медовик»,
А здесь две зимы простоял снеговик.

Я в городе этом родился и вырос,
Играл в шахматки в штанишках на вырост.

А ты из Смоленска – «Ты помнишь, Алёша
Дороги Смоленщины?». Как мы – хороший! –

Друг другу тогда говорили, ты помнишь?
Наш вечный огонь, неотложную помощь....

Душа холодела, немела рука,
И Галич нам пел: как плывут облака.

А мы... торговали тогда в электричках.
Ты куришь от «пьеzo», я куришь – «от спичка».

Какие билеты? Когда мы платили?!
Мы ядом вокзальным здесь души коптили!

Усталым народом набиты вагоны.
Ты тащишь пакет, шоколадом гружённый.

Бабаевский! Красный Октябрь! Озёрский!
Потом с книжкой Быкова до Белозёрки.

Промёрзшие тамбуры, чёрные ели....
Ты помнишь всё это. А я еле-еле.

Любые постели мне будут колоться,
Я буду в ночи как Иаков бороться.

Вернутся скворцы, и синицы вернутся.
У нас не получится не обернуться.

До боли под сердцем нам будет икаться,
И будет аукаться и откликаться.

Ты будешь верблюдом меж адом и раем.
Я буду твоим караваном-сараем.

Ты смотришь с прищуром, ты смотришь с порезом.
Возьми витамины там бром и железо.

Я всё уложил, увязал с перехлестом.
Возьми зажигалку, возьми перекресток,

Возьми во дворе смех вечерних качелей,
Он может быть кстати в последний сочельник.

...Ты села в машину, захлопнулась дверь.
Мы просто играем, ты веришь? Не верь.

ОКТАБРЬСКОЕ ПОЛЕ

*Я Рубцовым изрубцован.
Николай Афёров.*

Я ей писал, чего же боле...
Она в ответ писала мне.
И вот - Октябрьское поле.
Бегут мурашки по спине.

Здоровые и молодые,
В витринах солнце и вино,
Но смотрят очи голубые
Как монастырь на казино.

Зрачки становятся всё уже,
Прицельнее – не мир, но меч.
Не отутюжен, не натружен,
В кармане гвоздь, в пакете «весчь».

Мальвине должно жить за мужем,
За мужем, а не за Пьеро.
И посмотрела ещё хуже:
Как Банк Москвы на вход в метро.

И взгляд, и голос оцифрован,
И сны с участием Бреда Пита.
А я Рубцовым изрубцован....
Видали мы таких пиитов!

Переглянулись как-то скверно,
Всё прочитали с полу взгляда.
В её душе собачья верность....
А нам собачьего не надо!

Не так давно играла в салки,
Пинг-понг и на фортепиано.
И мне её так стало жалко,
Как Саломею Иоанну.

Москва была в весенней плоти,
Душа дорог не разбирала.
Стояла родина напротив,
И банку пива открывала.

Тонула площадь в рок-н-ролле,
А я всё пил и пил с лица.
И мы прошли всё это поле,
Всё, от начала до конца.

ДВА ВЕРЛИБРА

Верлибр № 2

из евро-крана в раковину евро
течёт вода
издалека долго

Верлибр № 1

ТАНЯ

***

Снег падал до седьмого пота,
 Пылились в нишах автоматы.
 У нас серьёзная работа,
 У нас отличные лопаты.

На сотни вёрст здесь ни души.
 Мы цедим «Шипр», сушим мех.
 - Лопатка есть?
 - Якши, якши....
 Мы чистим самый чистый снег.

Снег падал так, что не до шуток:
 Заснёшь – проснёшься на том свете.
 А мы не спали трое суток,
 А мы смеялись словно дети.

Саднящий, мелкий, мокрый снег
 Ночей и дней не разбирая,
 На точку сыпал как во сне.
 Нам этот сон казался раем.

Лопаты юзали в кюветах,
 Тянулись тягачи как дроги.
 И от рассвета до рассвета
 Ломы сверкали вдоль дороги.

Ломы валялись как иголки.
 Лом - и винтовка, и весло!
 Лёд разлетался на осколки
 Как многослойное стекло.

Лёд рассыпался как монеты
 Екатерининской чеканки.
 И были с фильтром сигареты,
 И было всё как на гражданке.

...Ефрейтор Алишер Васкетов
 Домой вернётся раньше многих,
 У обесточенной ракеты
 Заснёт, и отморозит ноги.

Мы с этим самаркандским хлопцем
 Перелопатили полнеба.
 Я никогда не видел хлопка.
 Он никогда на море не был.

***

Пойти на рынок, чтоб купить
 Сметану, сырники, котлеты,
 Арбуз и что-нибудь попить.
 Так день за днём, и так всё лето.
 Помыть посуду, пока Юля спит.
 О Господи, какое это счастье
 Помыть посуду, пока Юля спит!
 О, Боже мой, какое счастье.

ПОСЛЕДНИЙ РЕФЕРАТ

Всплывающие окна, любимейшие шмары.
 Чтоб предков не тревожить, чтоб предков не кошмарить,
 На сайте порно-ру втыкается наушник.
 Качает лицеист, качает пэтэушник.
 Качает ученик труды и рефераты,
 Не хочет ученик туда, где аты-баты.
 Мерцает монитор как свет у переезда,
 Как боль на дне грехов, как кровь возле подъезда.
 Деревья не растут, и не летают птицы,
 Вытягивает принтер страницу за страницей.
 Лицей и институт шумят дерьмом бумажным,
 Не нужным никому ни робким, ни отважным,
 Ни умным, ни тупым, ни двинутым с рождения.
 Попутав егельет и трение каченья
 Качает ученик до умопомраченья.

Доцент
 возьмёт труды, понюхает бумагу,
 И не читая, в шкаф задвинет эту шнягу.
 Редееет русский лес, плодятся рефераты,
 Трещат шкафы окрест в уютных деканатах.
 Поставьте реферат на площади болотной
 Среди других грехов в его тоске зевотной!
 Не спрашивай потом - по ком шуршит бумага,
 И почему втроём стоим мы у продмага,
 И почему сестра выходит на дорогу,
 И почему у нас опять не слава Богу.
 Ни ты, ни я, ни он, никто не виноват.
 Качай студент, качай
 Последний реферат.

***

По стене ползёт таракан,
 Сверху вниз всё ближе и ближе.
 У меня на столе стакан,
 На балконе пылятся лыжи.
 Прадед мой погиб на войне,
 Я же пью в неприглядном виде.
 Таракан
 Сегодня
 Ко мне!
 Он эпоху вулканов видел!

Тьму веков, миллионы лет
 Он вращал и в янтарь и в гравий.
 Пусть посмотрит, как пьёт поэт,
 На компьютере поиграет.
 Ходят музы к друзьям моим,
 Дотемна сидят за арбузом.
 Никогда не завидовал им:
 Ни друзьям, ни тем более музам.

Дом мой, как и положено, пуст,
 Но не холодно и не жарко.
 Здесь никто не подсыплет дуст,
 И не будет визжать «болгарка».
 Так шагай таракан по лбу!
 Вам противно, а мне приятно.
 Сколько раз он видал в гробу
 Наши карты и белые пятна.
 День придёт: загорчит вода,
 Ни один не вернётся из боя.
 И наследует землю тогда
 Скромный труженик из мезозоя.

Вот он крошку с руки берёт,
 Все конечности напрягает,
 Упирается, и жуёт,
 Будто мёрзлую землю копает.
 И пошёл... по руке к виску
 точно тромб, и никто не в обиде.
 Видел он и любовь и тоску,
 Это я ничего не видел.

Ирина Грацинская
ИГРА

Л Ю Б О В Ь

PLUS

женщина тем хороша
что в неё можно тихо забиться
и забиться и плыть не спеша
в трюме сна
выцвести и воплотиться

женщина
тем
хороша
вот

ВОТ ПОДИ Ж ТЫ...

вот поди ж ты
страшненькая и дура
а он смотрит
будто помешанный
не иначе как в глаз попало...

вот поди ж ты
она — как чемпион россии
медалей обойма в своей категории
а он — смотрит волком
на сторону
и мимо
будто нет ее

невыносимо

***

любовь
ты выжигашь звёзды на груди
из пуповины вьёшь удавку

любовь
твой лик оскалом промелькнёт
прольётся желчью миро
пробьёт сквозное и навывлет
твой поцелуй

КОГДА НЕ ЛЮБЛЮ

когда я люблю
я верю каждому поцелую в метро
я верю что он для нее
а она для него
я знаю что мир — это они
а вокруг только погода
я помню себя
с ошалелым пятном–лицом зыбкого света
на чёрной рубашке толпы...
когда не люблю
мне кажется он лжёт и она нечестна
я злые на них гоню времена
и нож у меня в руке
чтобы делить
на он и она
на ни он
ни она
чтобы были как все
инвалиды

КОШКА

где бы ни изловило время меня
в складках города на перекрёстках в метро в толпе
в водовороте голов ног локтей
на мостках переходов в автобусной сцепке
устрицей обживающей турникет —
не помыслив коленки раздвинуть больше положенного
жалуя этикет —
тебя
завернув в наготу свою и презирая мораль
окотившейся кошкой вылизываю подминаю мышонком мну
затирая отчаянно в твою память
себя одну

ВОТ КУПЛЮ СЕБЕ ЗАПАХ

вот куплю себе запах
утренний например
маминых сырников
со сметанной макушкой
в сахарном снежном похрустывании
или младенческий —
запах сыворотки
нежной отрыжки
и всех этих пюре
и кашек
полуденный —
бабушкиного шкапа
валерианки
лежалой смертной одежды
запах старости
и ещё
запах твоих рубашек
подмышек
живого белка
запах жизни самой
запах самый ночной
мой

НА ОТЧИТ

коленочки
не запавш в луночки
петельки
прихвативш пуговички
поля нашествием дочиста
внутренней саранчи
в ошейнике тянущ грузики
присвоена не освоена
на кнопочк разряды молнии
за безвести
на отчит

СТОП

знаешь...
так начинается
моё к тебе наклонение
знаешь...
я глаза твои целовать хочу
знаешь...
пусть бы школьное сочинение
знаешь....
вот сорвусь
и от невыносимости закричу
знаешь...
это она меня тянет и точит
и горло перехватывает —
люблю!
знаешь...
я по возрасту вышла давно из дочек
а на мамину карточку виновато смотрю
знаешь...
ты дыши в меня пожалуйста тёплым выдохом
знаешь...
нет мне места кроме твоих рук
знаешь...
я и глупая и вздорная женщина
знаешь...
стоп

...И ПОЗАБУДЕШЬ

...и позабудешь
что ты жена и мать
станешь ягодкой маковкой луковкой
станешь прятать себя в него затирать
станешь хорониться в укромную ямку в пелёнки его тенет
станешь доченькой девочкой меленьким мизером
чисто тебя и нет
и себя не признаешь — ту которой была до
и обратный билет затеряешь
лишь бы не возвратиться
в забитый на доски
дом

НЕ ПОДУМАЙТЕ

он говорит скучаю до смерти!
но дел немало:
вот трусики твои нюхать
целовать пестовать...
не подумайте что скабрёзность
фетишизм или там извращение:
так клинически выглядит любовь
вариант нормы
может с человеком совершается превращение?
вовсе нет — это она человека портит
гладкие поверхности
теряют в правильности
прохладное докрасна калится
случается даже
несовместимое с жизнью
если не удалось
дозвониться

АФРИКА

любовь
 несытой саранчи
 прожорливый близнец
 не в паспортах не в небесах
 и не в тисках колец
 она дрожит под кожей век
 в ладонной чашке рук
 на скользкой шлюпке языка
 раскачивает звук
 иным владеть как пятернёй
 которую в кулак
 сжимает страсть где тот другой
 неразличим никак
 бесправный раб и властелин
 и плоть и кровь и кость
 он пальцам плавкий пластилин
 и каннибалам гость
 он для туземной смётки их
 апофеоз любви
 не вне не подле — изнутри!
 во мне
 во мне живи!

ЛЮ

это она лошадиной мордой
 тянется и губами влажными
 за мочку ушную
 теребит тебя
 дурочка
 это она со слезьми алыми
 на тебя пялится
 бессловесной радостью
 с привязи
 взмыв
 это ее ноздри вздрагивают
 трепетом
 обдают ласковым

это ее
 девочка
 люди кличут
 л ю
 б о
 в ь

ПОНЕДЕЛЬНИК

занюхиваешь тексты запахом
 консервов платяного шкафа
 я перекрученная вывихом
 на тему твоего отсутствия

сегодня беленький горошек
 из каждой дырочки вещает
 про штрих-пунктир перемещения
 про на полу приствольным кругом

вокруг коленок завихрения
 на спинку стула подымание
 а чашки хула-хупом в стеночки
 насерпантиненным отливом

мои укупорены шалости
 забальзамированы выдохи
 и юбки жалостливы жалобы
 на откровения невинные

ШТУЧКИ

по своду от виска
 по топографии раскроя
 дыханьем мелким
 изымать флюид
 табачно-дынный
 средиземноморский —
 так тянут носом псы
 иль волки
 боясь забрызгаться

что ягоду с куста
твой запах обираю замирая
едва-едва дышу
и траекторию обвода намечаю
шажком ноздри
рисуя пряный нимб

***

вот целуешь
и ртом поглотив отправляешь
в спелеологический транс вождельня
вот объятая разреженной плотности в пар обращают
над уровнем моря
перегрузки экстрима

НИ О ЧЁМ

мне в тебя по горлышко — как в реку войти
ты же не отрываясь поверх и мимо смотри
буду без одежды тихонько грести
под зрачком бесстыдной звезды
стану партизанить где семь войн прошло косяком
и осталась незасвеченной моя боль
по стеклу нечувствия ходить босиком
прижимая к животу свою голь

А ЕЩЁ...

ждёшь известий писем звонков
чтобы тронули за плечо
а ещё
ниткой вздрагиваешь позвонков
а ещё
нет не рядом но в воздухе растворён
в темноте разлит
и сама бестелесно в нем в каждой клетке его
на устах застилая собой свет

пребываешь
времени расстояния нет
и беспмятно забываешь
кровоток воедино сведя
две аорты связав в одну
одному не уйти ко дну
и для лёгкости
вес
теряешь

БУДУ

по текстам ходишь
как по стеклу
потому что привязаны
к месяцу году числу
к нашим с тобой
любишь? люблю!
а если...?
тогда убью!
просто лягу рядом
буду тихо-тихо дышать
зашептывать твою боль
и на зарево
чтоб не зарилось
белым флагом
размахивать

АПРЕЛЬ

это счастье меня щекочет
за бока и лодыжки щиплет
это нежность во мне хочет
пробуравить тоннель навывлет
это я от тебя в транс
это я по тебе стыну
это мой на спине ранец
новобранца куполом вскиннут
это нас пополам чашка

земляничной полна сласти
 это я у тебя в ладонях
 как рыбёшка в авоське снасти
 это твой на меня ракурс
 это мой на тебя прицел
 это в вену живьем радость
 чтобы ты умирать не смел

***

не щепотью не ложкой мерною —
 твою нежность неимоверную
 я зачерпываю и пью
 и охватывает беспричинно
 я люблю тебя неизлечимо
 как в последний
 тебя
 люблю

ВОДА

вчера во мне было много любви
 и я любила за всех
 так бывает к весне когда изнутри
 вытает черный снег

во мне под грудь и по кромки век
 любви стояла вода
 и каждый встречный любил меня
 как руки твои тогда

любовь по тоннелям зрачков текла
 сочилась талой слюдой
 и все обмелевшие вновь смогли
 ее отдавать собой

и я учуяла почек треск
 которых в помине нет
 которые будут, в которых нас
 однажды настигнет свет

АЗЫ

тебе не нужно быть мачо и чемпионом
 и весь ты состоишь из утрат недоимок боли
 один из бесконечно зависимых
 и столь же вольных
 мой эмбрион зачатый неукротимо и непристойно
 ты пристрастился проверять на крепость вино и женщин
 их кружева терпение плотскую привязь
 слухом сокрытый в коже зрачках в бездомных ладонях
 непобедимый намоленный и бездонный
 иезуиты атланты пламенные исихасты
 могли бы позавидовать твоему эго
 теперь и мы перемножены в произведение частных
 и неразделимы
 под распавшимся небом

СНАЙПЕР

мой милый снайпер
 ты в меня попал
 вниз по ребру слизняк сползает алый
 желе дрожит рубиновым оскалом
 так насладись покуда ты взалкал
 мой милый пешеход
 меня ты истоптал
 и там где белый переход
 нарезка рубчиков и фасок пересчёт
 в меня ты спицею тропинку укатал
 мой милый повар
 ты меня сварил
 и луковичных слёз ушла с водою горечь
 и речь немая с глоткой вяжет сговор...
 мой милый столяр
 стружкой стала я
 вся по полу атласными кудрями
 ты только птицам не бросай меня
 и ельником прикрой
 в припорошенной яме

ПУЩЕ ХЛЕБА

...и пуще хлеба жаждешь ласки
словесной
мохнатой ваты слов
укутанности в пухлый кокон лести
окраса брачных игр самца...
не отвратить подсолнуха—лица
от жаркого влекущего светила
как будто и не существует б ы л о
и слепнешь перед явию конца

ПОЖАЛУЙ

знаешь
если ко мне постучат
(я так думаю)
например завтра
(всё случается)
предложат произвести расчет
сотню платьев неношенных туфель
надушенного белья старья кофточек
лифчиков с косточками
симок часиков тиража остатки
колечек цепочек тапочек
тюбиков писем неоконченных текстов
ночнушек коробочек мезозоя мела перми
(эпохи первичного накопления женского капитала)
не торгуясь
так прямо взять и оставить —
я пожалуй легко оставлю
сберегая в остатке
прижимая паспортом
наше с тобой
время

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

от мужчин бывает
любовь
вспомоществование
дети

от детей бывают
морщины
лишний вес
внуки

от внуков бывает
в зеркале
отражение

НА ДУХУ

одного — за то что любил сладко
другого — за то что кормил сладко
с такою повадкой проживаешь с разными
люблю тебя—всякого
якова
тебя—каждого
даждь ему
за то что в тебе
лучшее
за близость прибившегося
по волне тела
когда дух отдыхает
где-то поблизости

такое дело...

В ЭТОМ ЛУЧШЕМ...

шаром земным обнимая в потемках живот
продевая сонные руки через ушко локтей
женщины зыбким космосом в свои утра плывут
огибая на ощупь рифы ночных страстей

их планеты их пломбиры надувные шары
остывают вытаивают улетают к иным мирам
рассыпаются радужным крошевом в линзах сфер
собирая осколками свет как положено всем шарам

в этом лучшем из лучших отравленном и сыром
пробирающем до кости простирающимся раневой
исчезать и биться насмерть тонким шарам
оседаая в брызгах гаснущей синевой

НАЧ ШК

один чтобы слушать тексты
другой для пирожков из слоёного теста
третий проводит рукой и тает: взлетаю
четвёртый —
моя государственная тайна

ТЕПЕРЬ Я ХОЖУ ПО КРУГУ

теперь я хожу по кругу
имена пвторяются
люди — разные
за свою жизнь женщина
должна вырастить
мужа
дитя
подругу
задачи сложны
между тем неизъяснимо прекрасны
а как примешься шить
накроишь кусков

перепорешь в брак
наплодишь обрезки
хорошо что со временем
притупляется жажда
обостряется вкус
и фокус нерезкий

НЕ МЕШАЙ

не мешай мне тебя любить
пожалуйста
приготовься
будет трясти знобить
расправляться буду безжалостно
засыпать заливать по самое
буду лесами тебя обносить —
не жалуйся
по водам по ухабам
тряским волоком волосом
будешь падать от рук
пожалуйста
не мешай мне тебя
убить

ПРИГОРОДНОЕ

любимая да любимая
и никогда по имени
пассажир электричек
местных привычек
с годовым дисконтом
не накопивший любопытства
на направления
дальнего в меня следования
шлагбаумом застит путь
коленка и грудь

ЧТОБЫ ГОРА

это только в тебе тяжелеет и ноет
лопастями вымешивает поршнем давит скребёт чадит
а в другом на которого липкой от крови изнанкой обращена
перекрыт вход и кирпич висит
и обратным вытолком затвердевшее сердце в плотном кожухе
толкает

на свой лад стучит
и заставлено всё своим — сундуками комодом баулами
не продавишь плечом дверь
и слепое в тебе глухо рычит и ворочается изнывает мычит
сверь
с несвоим своё и толчёный в острую крошку теплый янтарь
ссыпь
как ссыпают пепел и закапывают
или по ветру на распыл
чтобы взошла гора
там где некогда
иль никогда
вход
был

PAST

любила многих
и с аппетитом
каждый учил меня
проставлял табель
промывал душу
расщеплял эго
растворял в собственной влаге
разминал в пальцах
возносил низвергал творил
от себя до меня
пропасть торил

ТЫ ДОЛЖЕН

ты должен быть кому-то нужен
своею плотью перегружен
с поддувом духа
и душою
точь-в-точь начинкою пирог
заполненный по горловину

ты должен быть кому-то в тягость
твоя походка юбка благодать
твой пыл и умысел
твой горб
для гладкой жизни неудобство

ты должен быть кому-то лишним
топографически
как личным
невыправляемым грехом
незарастаемым изъяном
тебя придуманною лжой

как ржой
как вывертом кошмара
ночного гюлка
помраченья
чертополохом
за межой

ПЕРЕГОНКА

залетаю от слова как последняя шлюха
как всеядная тварь с неприкрытым глазком
я по меркам столетья на свечки старуха
я к своим временам новобранец с мешком
будто только и ждёшь где и кем причаститься
отрастающим ухом прикипаешь к губам

я по меркам судьбы — послесловье разрухи
я по спискам любви — в люльках дующий храм
переполнятся яблоки хрустом и соком
верба-высочка вспухнет у плаценты впотьмах
тополиных корней мегаваттным насосом
я качаю из воздуха мёд на словах!

НА БАНТИК

послушайте детка
там
под тесными лифами дам
личинки столовых драм
и в ампулах запонок чистый как яд
янтарный течёт мармелад
сонаты истерик
и фуги убогих разборок
и это так скоро
что ваш флёр д'оранж едва ли успеет
с перин поднимаемой пылью покрыться
не спится
не спиться бы
шарит наощупь веревку
полночная тётя джульетта
два пальца — и пьета
смиренного ватер клозета
близка к осознанию что наше и ваше
до боли два берега
мутной речушки ч е т а
там
под шкуркой гипюра и в твидовой ласке
гноятся беспечные ссадины
первых несмелых укусов
и первых наотмашь
одними губами признаний
пусть
дано захлебнуться
от острого чувства дороги
и стоптанных в прах

разбитых ступней башмаков
не стоит так крепко на узел канаты вязать
и крюк за реберную кость поддевая
не выломай шаткие стенки
оставь же на бантик
навитый из жилы шнурок
а там где так больно
ладошкой ощупывать верность
прикроешь капустным листом
и присыпешь
гашеным
забвеньем

МИМО

просто мы ввязались в эту игру
крутая была игра
никто из нас не был ни чёрен ни бел
ни виноват ни прав
о! что бы я стала делать скажи
без твоего вранья
я столько мимо могла прожить
когда бы правду к порогу сложив
ты не убил меня

АПНОЭ

ты пройдешь у него
как икота изжога насморк
как изматывающая инфлюэнца
а бывало самозабвенно
промокала ему полотенцем
в ушках... мылила спину
слизывала капельку
шептала зашиворот
и была наизнанку вся
на просушку шкурка
навыорот...
ты пройдешь сама у себя

свидетелем очевидцем
стихийного бедствия
катастрофы
апноэ
и нечаянно
где-то там
высвободится
и фантомной болью
занает

50

Игра

МЫ НИКОМУ С ТОБОЙ НЕ СКАЖЕМ...

мы никому с тобой не скажем какими долгими годами
какими рвами дна пригубя мы шли друг к другу оступаясь
как мы блуждали в закоулках и отворяли мрак постылый
как замирая изнывали с пустой сумой в потемках гулких
какими рвами...

две кальки жизни совмещая мы изумлялись и немели
какими странными путями нас то вели то нам велели
как мы сбегали в плен постелей нас окликали нам свистели
нам вслед свистели...

рука водила в наших картах тебя любили я любила
мужья и жены мы с тобою —

другим — кем жизнь сопровождала

на этом самом белом белом на этом дивном белом свете
как две реки соединились у присных Бога на примете
мужья и жены...

мы никому с тобой не скажем

как в полукружье рук смыкаясь

я слухом кожей и вагиной тебя до полноты вбирала
как ложью Божье замывали и нам друг друга было мало
и небо поутру линяло на алюминиевые луны
и было мало...

мы никому с тобой не скажем

про то как в шепот шелестящий

ты окунал меня нагую тугой неспящий
ты уходил и возвращался блудил шакалил рвал и клялся
ты отрекался и кровями травя лукавя штампы правил
ты отрекался...

пусть наши ангелы не плачут крылами падших укрывая
озябших нас отогревая — мир сызнава был нами зачат
мы никого с тобой не свяжем друг другу кубики вливая
но и тогда она продлится когда исчезнем остывая...
живи заслуженный другою

бездомный грешник ткущий небыль
ей никогда не доведется узнать каким ты с нею не был
исповедимы без причастья за все что бездною открылось
за то что время наших жизней

в вино любви пресуществилось
и в нас неразрешимость судеб

и в них неотвратимость встречи
мой полдень — твой закатный вечер
твой вечер...

51

Ирина Грацинская

ВОСЬМОЕ

возьми кровавую печёнку
рукой проворной
и в пятерне сожми
чтобы сквозь пальцы
рубиновая кашка потекла
тонюсенькие ручейки
к запястью отправляя

возьми немного кислоты
иль щёлочи
неторопливо из склянки слей
и капля жадная
на клейкой нежности
побегом вьющим
узор ажурный выест

возьми кристаллов
тонкую щепоть
и там где нет покрова вовсе
просыпь смелее
борозду
тут разом
она и взмокнет

ЖЕНЩИНКА

женщинка
когда подживаешь свои сколько-то
(не торгуясь но всё ж умолчим о цифре)
на тебе норовят нажиться мигрени климакс
вероломства неотмоленные делишки
не оглядывайся не смотри назад
оберегай тайны привата развивай жадность
производи побольше любви
и копи излишки
те кто следом — видят спину твою
и полагают что до тебя им через перевал
и стало быть надо ли суетиться
многого не узришь
когда солнце в зените и слепит глаз
и успеется
не вылакать до песка
но допьяна
напиться

БОЯЛАСЬ

помню
как боялась родиться
а после
боялась что жестоко накажут
за руки в трусиках
за пополам чашку
что к кровати привяжет
нянька романовна
крестом рубашки
боялась
что яков файвелевич
кинематикой донимая
к доске вызовет
и в коленки
станет взглядом несатым
метить

что на уроке физры
буду сидеть на банкетке
и мальчики
головами друг в дружку тычась
станут ржать:
у нее э т о
что отец упадёт ничком
с остановившимся сердцем синий
или найдёт под подушкой мама
с коркой в цветочек сатиновые
боялась
залететь боялась
и что другую
любимый муж облюбует
заклеит спяну любую
боялась рожать
и личика сморщенного
задыхающегося боялась
так боялась терять...
видимо отстрелялась
теперь кажется
ничего не боюсь
потому что тебя
уже потеряла

РЮШКИ

а чего мне жалеть мальчиков
я буду жалеть девочек
солнце их укатится мячиком
из тесёмочек и бретелечек
из постромков со шлейками
выпростается
выбьется
до песочка сухого вылакается
выспренность вымечтанного

а чего мне любить мальчиков
я стану любить девочек

спотыкушек и кукол рюшечных
байковых
беечных
в головёнки фарфоровые
мыканьем меченых

а чего мне понимать мальчиков
я возьмусь понимать девочек
на коленках и коленях
по надобности
на муравке и угольях
по заповедям
перемазанных кремом с сажею
вперемешку душа с потёмками
бултыхается развороченная

РУКИ НА ГРУДЬ

можешь родить ему
дюжину сыновей
выстроить в небо дом
можешь нянчить его обдувая дыханьем
таскать на себе улиткой
можешь отписать ему
половину своей женской жизни
на заметки на растопку
в газетную скороговорку
можешь отстирать добела руки
вахту кухонную нести
пропивая в чаях с ним счета
по которым проценты снимать и снимать
абрикосовой пенкой
можешь
заливаться грудным молоком
сукровицей слезой
можешь тенью его пребывать
на глянцево-чёрных обложках
удачливой жизни
но не думай

что это и есть твоя плата
за семя что в тебя заронили
будешь расплачиваться
одиночеством
потому что никто никому ничего
потому что
всякого Бог лепил
в узкую щель
в одноместную борозду одноколейную
руки на грудь
в одиночество

ОКТАВЫ ДЕТСТВА

о это придыханье флейт...
барочный шелест
трепет шёлка
рокайли люстр
и ложи плюш..
десант под своды
пети с волком
то ли ангина
то ль коклюш
буфетный запах бутербродов
шипучий клёкот лимонада
и неизменное не буду
и неприступное не надо
и бант как кремовая роза
и ты — три четверти шанели
и вы с отцом где он в шинели
и к сердцу ниточки некроза...

МАМ

каждый раз поправляя бретельку на правом плече
я знаю что это ты
и щекотка в носу при первом луче
я знаю что это ты
и вкус поцелуя когда залит соком черешневый рот

и прядь у виска совсем не туда торчит а наоборот
и рокот турбин когда на мели глотку забил песок
и твой на меня пристальный взгляд
с твоих
неподъёмных
высот

ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ ДОЧУРКЕ

красивые ищут красивых умные глупых глупые честных
и чтобы на каждый день для еды и до смерти
до смерти любить жить до смерти
(то ли своей то ли парной)
жить совместно а умереть за компанию

на свадьбах в ходу лозунги «уступайте»
девочкам наперёд да будет известно что байка не унисекс
а исключительно к ним обращенный слоган
это вам не метро
и на этом словили многих

сильные ищут сильных что изначально системный сбой
и долгоиграющая небылица — сбившись с ног
успеешь состариться и в безбрачии пропылиться
сила противится состязанию
(правда на макраме легко удавиться)

мозг для женщины орган предельно опасный
если что и с поличным — «я не шахидка мне навязали»
безобиднее краденое сбывать
на глазах всполошившейся жертвы
чем накачивать кафкой в спортзале

гораздо важнее менять окраску — флоре фауна даёт фору
невнятному фону по сердцу невидное на неброском
крайне полезно учить биологию в школе:
не упустить что у фауны всё хорошо
с аппетитом на флору

А ПОТОМ ТЫ УМРЁШЬ

...а потом ты умрёшь
нет сперва
у тебя оборвётся подкладка
почки печень
сгинут mensis
и станешь себе ненавистна
будешь пальцами веки тянуть
занавесочки
будь они трижды неладны...
и подсядет скула
и на девичий стан
станешь хищно тарашиться
старая дура...

ОТ МИРА

в кулачке ночи
калачиком ножки
коленочки к животу
от всего мира схоронившись
пережидаешь и замирая
как по навету
как по по доносу
зябкому утру
себя навынос
так же
было страшно родиться
на ладонь жизни
открытую
всем
смертям

И БЫЛО...

любила
и было
так легко
лишний билетик жизни
жаловать
жестом королевы
розаном
лепестки пальцев
любила
и было
так легко

Е X P O R T — I M P O R T

ВЕЧНЫЙ ЖИД

выбери страну проживания
пока жив
странствия с переживанием
вечный жид
там где пекут каштаны иль тут
уксус не то сметану нальют
мертвенные стеариновые
в нишах сен-северина
Троицы — восковые..
и хочется снова
по гуглы поисковые
в тебя занырнуть с понт-нёва

***

кому отправлять эти письма
с берега маленького кафе
на рю абесс
по дороге к холму сакре кёр?

ПРИЮТ

чешуя куполов и крыш
дынный свет в чаше лувра и россыпью по брассри
ундервудовы клавиши столиков... пара крыс
по путям подземки прошивающей изнутри
в антресолях земных там где дугами сводов крест
оторвавшись шариком шарит душа
и уют находит как птица насест
у аньерской скудости не дыша

ГОРОД БИСТРО

говорят
 есть места получше
 но я не верю
 отчего здесь и тут
 и никуда не несут ноги?
 неожиданно сам себе равен люб
 не досаждаешь
 дорожишь не всем
 многим
 состояние — конгруэнтность идентичность авторизация
 бессмысленно картечью салютовать понятия
 здесь обходишься без персонифицированной любви
 без соитий
 целый город — сплошное бизу
 неразмыкаемое объятье

что это
 должно быть то самое
 когда гадают...свобода...
 когда в пустыне перекаати-поле
 больше зависим от наводнения в коми
 чем здесь зависишь
 от чьей-либо
 неуправляемой
 воли

EXPORT—IMPORT

всем должна
 и Ему и вашим и нашим
 за отполированный зрак
 о твою поверхность город
 за приписку к сроку который сладок стал
 и не хочется думать что это наркоз
 и следом
 мороз продубит и жилы и вены
 нет

не верю
 не украла
 но полный карман каштанов
 устричной скорлупы
 винных пробок миндальной крошки
 лёгкие по самое устье залиты
 ароматом сырных
 кофейным духом
 вкусами рот набит
 и ступня приняла форму
 твоих мостовых город
 знаешь
 с кем я тебе изменяю родина
 о картонный бок гулкового короба
 города где родилась и чьё имя произносила кичливо
 на ухо стороннее — гордо — не убиться абы? —
 тот мне люб
 с ним сожительствую который месяц
 греюсь обняв со спины жадно живот тёплый
 створки всех турникетов боками помнишь
 и мелкий лишай вспухнувшей жвачки
 залепившей глянец перронов стёртых

жить бы на этих лестницах плюшево вверх бегущих
 спать бы забывшись в снах
 купола костяные смаргивая и крыши
 примерять бабушкины палантины
 боа и шляпки... я бы здесь прижилась
 может толк бы вышел

русские любят головы задирать на эту иголку
 и читать сталинград крым александр на вывесках
 языком узнавая шершавую мякоть
 целуя кириллицы вымя
 им привычно когда их широкие скулы и ступни
 сраму не имут
 не приживаются в европейском теле славянские души
 постное масло капуста сало — не прямиком
 — из баварских штолен
 я же дивлюсь их утонченным вкусам:

жирным мазутом залитая европа
на наш поцелуй отвечает брезгливым зудом

с виду люди как люди
но по сторонам глаза
изумишься — неужто в их головах родилось такое
может просто гостят у тех кто давно умер
и оставил полные сундуки внукам
вероломно с магрибом машриком в доле?

может они мести детей своих убоялись
что к младенцам и малолеткам
с таким пиететом во взоре
и не лупят их не костерят прилюдно
опекая солёный кнут в неусыпном дозоре?

здесь имен одних как пшена и повсюду тени
тут попробуй тронь шпингалет замени дверцу
но нещадно однако кристаллы готики ломкой
заливают известью
говора
иноверцев

языком оглаживаю твое золото
запиваю горький настой гранатом лозы терпкой
развращая жаждущий глаз не приученный к гладкописи
на горбыле истёртый

буду скучать по тебе мой возлюбленный галл
в одночасье сменивший окрас кожи
буду утопая в месиве снежном
восковой паркет твоих будуаров помнить
никого не приютивший сверх доли
ни живых ни умерших

мы пугливей дворняжки
и на хлопок прижимаем уши
нас не любят и морщатся сторонясь визгливо
русский духом святым что ли сыт

против вас уставивших стульями тротуары?
врастопырку глаз и всё норовит завалить ближних...

чтобы себя оценить нужно за море за три
за барьеры таможен в толпу тех кто вскинется
виновато пятясь твоего локтя
и убоишься себя и отвычки держать спину
и под веком бличка окуляров голодных

COMTOIR

беспольный
по-бабьи прожитый день
раскрошился пирожным
подбираешь упавшие крохи за стойкой брассри

в теплой мякоти ночи тонет картонный фасад пантеона
за манежную рейку в его колоннаде
тянешь детской ручонкой
купола нитяные ажурные пилоны
повисают в невидимых лесках

подливаешь из рюмки чернил
сидя поодаль
добросовестно небо закрасишь синим
обойдя по контуру кость сорбонны

гаснет олово в чёрном
небольно

БЕРЕГА

слишком греет
тотальная отстраненность
схожая с тихой лаской
слишком помнишь
как соберёшься в упорный узел
моментом перешагнув границы
неотмываемо стайное
как родимое

не перелицуемы лица
 на парапетах каменных канапе
 за столиками
 перед фронтонами базилик
 точно фронтисписами любуясь аршинными воротами
 благодарно губами
 перебираешь молитву
 Богу
 любимому городу
 маме...

BRETAGNE

море не море — пюре из оливок
 чайки тугие клаксонами воздух качают
 пронзительно и визгливо
 городок просыпается в пеньюаре молочного облака
 разноцветные домики подпирают друг дружку плечами
 скольких маргарет тэтчер на набережной повстречаешь...

всё что выдало море в сачок рыболовный
 что солёная матка земли породила
 набирает рукой благодарный рыбак как встарь
 в местной звоннице дюжий звонарь
 разбивает в осколки колпак осовевшей пристойности

в швах потёрт изумрудных кровей палантин
 прикрывающий спины отвесных скал
 некто кукольник-маг подпускает белёсый пар
 и в крахмальных разводах окрестное небо

в нашей комнате три окна
 желтушные стены большая кровать
 жребий стать мягким вкладышем детски-послушным
 в необъятного кроя тугих простынях
 и... любовь

с золотистых румяных рожков
 шелушится ссыпаясь загар

в чашках кофе дымится
 пальцы сливками пахнут теплом карамели
 город кукольных мыслей
 крашеной мебели лавок цирюлен
 хлебопёков дантистов старьевщиков
 жестяных бонбоньерок авто —
 здесь оставишь свой выдох визиткой случайного гостя...

кафедральный собор поражает
 по-женски обжитым пространством
 если к нам ненароком заглянет Христос
 он увидит порядок и преданность бонны —
 в масть резным подлокотникам
 нет лишь расшитых сидушек
 стеариново лилии дышат дыханьем парфюма
 белоснежные рыбные кости немеющей готики
 вязь иссохших скелетов
 на коклюшках умерших слепых кружевниц

горизонт книжным сгибом
 делит вёрстку пространства на разворот
 чётные полосы неба нечётные моря
 то ли море текучая линза небес
 то ли небо — его оцинкованный оттиск

пересолены воздух и снасти
 в колком крошеве льда засыпают надменные рыбы
 не желая прощаться — их время
 вытекает в воронки открытых глаз
 так протухают кишки эпохи
 и отстаивается жизнь
 дремлет устрица
 на её известковых уступчатых створках
 прочитаешь историю мира
 в грубом панцире нежные души моллюска
 рыбный день рыбный мир
 рыбный дух
 на соборе железный петух
 протыкает иглой перекрестье
 в смытых дёснах отлива оголились гниющие корни свай
 договор между морем и миром
 в пятнах йода...

НЕМНОГО ИНАЧЕ

я люблю рассматривать жизнь
с близкого расстояния
по мне — чтобы кружево нашивалось
неразлично с основой в цвете
тонкую нитку пронырливый глаз приметит
замираньем ответит
пусть будет
вся эта контра
купидоны с грациями
и фацет у зеркал
и лифта чугунная каллиграфия
и чтобы пахло немного корицей
немного пачули
немного иначе
чем в средней школе учили

ИЗ ДОРОГИХ

каблуки обтянутые шёлком
блузки продёргиваемые в колечко
у некоторых вещей
не к чему пришивать этикетки
невесомая шерсть
неощутимые швы
неизъяснимое совершенство
одежде оставлено самое неуловимое
бесполезное свойство —
украсить

ЛУВР МАЛЫЕ ГОЛЛАНДЦЫ

голубоваты предплечья
голубоваты кисти запястья
отливает оловом жирным
атлас терборха
пузатой вазой мнится
из сумерек малых голландцев

оливково-масличный
свет на холстах
живое увековечено в мёртвом
белый батист белеет
кружев резная салфетка
сисечки — два пирожка
с голландской капустой
и ван-диковы латы
самоварно
парчово
гулко

С ВЫСТАВКИ

их наряды громоздки
дамы держат дистанцию от кавалеров
кажется те не способны совокупляться
от избытка мануфактуры на юбках
впрочем всё это домьслы нищих потомков
мерзнущих в леггенсах слаксах огрызках мини
на переходе подол оборвала тойота
зазевавшейся прачке с корзиной

САД

*...пошли мне сад...
М.Ц.*

пусть сад
но будет люксембургский
...и апельсиновые кадки
и апельсиновые капли
в листве — с наклейкой оранжины
мы живы...

газон пестрит и брызжет соком
по плечикам игривых амфор
стекает локон разноцветья
приспущена кулиса вязов
день как с плеча —

жаль одноразов...
сухариком хрустит подошва
зелёных креслиц гнутый обод
в руке привычно тяжелеет
нам снится явь
в нас мало лет
рука немеет...

светило вытопит любовь
и жизнь вдруг облаком как чудо
ни войн ни смерти ни измены
Христос
с ним — ласковый Иуда...

СHEMIN

...как хорошо что есть дорога
что можно в неводе осилить море
что можно с Богом оставаться в связке
в Его прицеле

В ЭТОЙ СТРАНЕ

не говори «в этой стране»
ты не гулливер а я не лилипут
здесь куда ни кинь — сикось–накось и всё не по мне
только нигде нас с тобой не ждут
на kudamm via corso на тихой daru
плаваешь как рыбка прославляя гольфстрим
и всему улыбаешься
но я повторю
не роман – любовь у меня с отечеством горьким моим

***

поговорили
легко легко
сделалось
будто глазки промыли
и после купания
повязала мама платочек
и в щёчки расцеловала

румяные

***

белая лодочка
на воде
выминает боками
себе местечко
на подрагивающей воде

***

видишь
листок оторвавшийся
медленно кружит
место отрыва
саднит
там и душа его
верно

***

она будет таять таять...
из лужицы тёплого воска
в конце концов превратится
в твёрдую пыльную плёнку
в плоский умерший ноготь
в пятно
от пятна
след

ДАЙТЕ

дайте музыки на хлеб!
под вертучими смычками
лак янтарный меж жуками
чернофрачными горит
спело-алых хризантем
колыхался дивный морок —
двух японок тьма оборок
на скрипичном говорит!

ПРИПАДАЯ

высвистывая пыхая полыхая
тяжко вздыхая
припадая грузно
орган колодезным гулом
торжеством мажорного жима
то грудь вздымая то гузно
воздух зигзагами нарезаю
вытесняет из колбы зала
наваливается мехами
устало
стихает

ЛИДСКИЙ

он столько моцарта в себя залил...
сев в сюртуке потешном к чёрному стейнвэю
в канальца костяные клавиш
переливать его вдуть взялся
как душу в деточку Свою Господь
через откинутую крышку — вещей раструб
клубами тучными
тончайшим паром
звук подымался
и в пору было лечь на этот воздух

нуга и лакрица податливо сминалась
под многоножкой пальцев
лидский...

***

занятно время протирать планктоном
через китовую цедильню строчки

***

читать чужие стихи — как носить чужое белье

***

тапочки
халаты
ночнушки — изнашиваются
выходное выходит из моды

***

семейные ценности
репейника цепкости
подивишься

***

так на чём же держится этот мир?
на крючках её кружевного бюстье

***

килем толпу разрезая
шпильку по пятку вонзая
тело без телохранителя
дева несёт расхитителям
густо-помадного царства

просто на женщине этой
новое платье надето

ОСЕНЬ

...просыпалась и устелила
и лобовые залепила
и дворникам теперь забот
как будто близкий эшафот
в парчу и шёлк принарядила
как будто стража не придет

Г О Р О Д

ГДЕ-ТО ТАМ...

вот зима
мало снега
всё больше — мороки
от её уговоров одеться
 меховых распродаж реагента
вакцин новогоднего кашля квартальных истерик
коллектив населения бьётся за план на товарных фронтах
суета
никому не откроешь америк:
от бесхитростной хвои бенгальских внучатых снегурок
мы отплыли в египет отчалили прочь из родимых садков
общезитие столица кишит прописавшимся гостем
их инстинкт к размноженью едва ли остудит погода
только свет розовеющий чутких небес
чудным образом в сепию тушь выправляет

...где-то там где с фасадов струится обман бытия
в смоляной оторочке кружав городской кринолин
подрисуешь в углу фотографии точку себя
из несметно числительных зная на память о д и н

СРЕДНЯЯ ПОЛОСА

кто-то лица лепил
неродной рукой
и обтягивал спилом
барханы скул
источился сафьян
изведён в распыл
видно делали нас
когда свет погас
когда Бог устал
выпил
и заснул

СДОБНОЕ МЕТРО

метро — это штанины спины затылки
ботинки
метро это звёзды и канделябры
тонны извёстки
лепнина майолика пятиконечно-ржаная символика
лакрично-карамельный жгут поручня
и гребёнка бесчисленных ного-шагов под
в кишечнике города
здесь проживаешь годы
во дворцах общего пользования
народных покоях народ упокоивших
успокоивших без покаяния —
народное достояние
под парчовым камзолом соли кора и трудовой желвак
чёрные жилы не выживших
жерло не сдюживших

задирая глаз просвистишь
на маяковки стальной бобслей
обливную глазурь пасхальной таганки
вот и немец пялится цокая ист фантастиш
не прозревая запекшейся насмерть
кровянки

SVO — БЕЛОРУССКИЙ

что твоей синькой на нулевом кефире
нестерпимо-густо навязчиво-повсеместно
на манер дверей в пристанционном сортире
выкрашена природа территория местность
параллелепипед бетонный лежит без шкуры
в перфорации окон ...или в него палили?
огород в лопухах в ожидании бабы нюры
ни пахома ни сына их — вероятно уже залили...
я приемлю твой дух вокзальный моя столица
иногда отчасти как правило изнемогая
на перронах где люд мечется и томится

время клавишей стёртою западает
по рождению совладелица неохватной шири
остудив за давностью пыл совершеннолетия
продолжаешь вникуда запрашивать чтоб разрешили
и упрямо настаиваешь на ответе

МОСКВА—КРЕСТЫ

при всём честном
тамбур пропах дымком
переборка жахает
носки иголки водяной пистолет
при всём честном
вьётся волос речушки
в перелесках янтарный свет
баба пьяная под колёсный блюз
исполняет минет

НАШИ

выходит
что только мы годами
любили тех же
зефиры пьехи ее наряды прононс
бумажные хризантемы
гомеопатическое разведение парижеского
басок шульженко платочек руки
завивку позы жоржет в горошек
раж пугачевой ротару кодры

иное нынче
и не поспеешь за сменой титров
и не упомянуть имён и свадеб
младенцев случек и адюльтеров
труссы и ноги
прижавшись к стенке невольню ахнешь
пальбе талантов
по нам мишеням

ПРОЕКТ РОССИЯ

скудоумие недочувствие
 саломаса неотбитый вкус
 и баланды шаечной
 скажешь выпала и мечусь
 по углам в краю балалаечном
 по сырой фанере забытым гвоздям
 волоком ты протащишь меня бедлам
 ты продёрнешь меня шнурком
 сквозь тоннельный азот
 я ширком–пырком о щетину щекой
 по жестянке губой не попад вразнобой
 кубарем облепясь с тобой
 покачусь в забой — там добыча
 нешуточная круглосуточная
 непрерывное беспросветное
 на–гора идёт освоение
 воздуха
 прихватили там подоткнули тут
 там карьер и в нём
 как в бетон залит не один не два —
 поколения...

ВЕК ЖЕЛЕЗНЫЙ...

век железный
 да и сами мы не из мыла
 но иного не знали
 чаяли — да не будет
 просыпались кряхтели ныли
 думали
 не убудет
 жаловались причитали
 и плескаясь в молочных реках
 укоряли что Он без жабер
 вылепил человека
 опивались нектаром дивным
 и пеняли за крепость сласти

невод полный тащили на борт
 проклиная тугие снасти

...Ты прости нас слепых и алчных
 Ты прими нас в свои объятья
 и железом калёным выжги
 номера
 на кожаных платьях

НА ПАНЕЛЬ

на панель неродного глаза
 в воронку чужого уха
 чистосердечно попасть
 по–пластунски
 ссадив брюхо

нацедить из медового дёгтя
 гранёный стакан речи
 добровольно
 сдать отпечатки
 показания

чистосердечно

НЕ НОСИТЬ

их собаки похожи на наших дэнди
 их клошары на три четверти нашего населения
 не носить им пшеничной косы
 и не выжить где мы —
 со своей тонкой костью
 и мелкой ступнёй
 отчего–то они дорожат
 тем что мы презираем в упор
 их расчёт в единицах
 это нам запахло мелочиться
 на безменах караты свои
 по авоськам худым
 рассыпаем

МОЙ

лупит дождь
в жестяной барабан за окнами
бабы в пёстрых платках
привокзальными фёклами
с парапетов с картонок с плеча
шмотками
с безнадёги трясут
где авто вам — там сумки
на сбитых колесиках
из метро к остановкам
китайскою просекой
колоннадой живых
беспородной полóвой–россыпью
набивают маршрут
вымирает народ
привитой на базарном профите
склюнет разом
едва от щедрот покрошите
плюнет в небо
и в душу — когда набрешете
легковерный и злой
битый молотый переезженный
серпомолотом обезвреженный
обездушенный обезличенный
обескровленный
мой

Я УЕДУ

я уеду туда
где никто не знает меня
а значит
какой я была
чтобы сличать
покачивая головой
ой
чтобы просто: на – дай
хлеб пожалуйста
евро на чай
не резаться об углы
оступаясь в воронки глаз
я уеду и всё
много таких
нас
ты давай
тоже бери билет
там хорошо
потому что нас нет
там
всё это время не было
там нас
будем кожицей прирастать
чтобы потом на раз
отлепиться
сукровицу слизывая
из–под ногтей
чтобы остаться
ни этой
ни той
ничей

Ирина Косых
НИЧЕГО ТАКОГО

СОЛНЦЕ ВЗОЙДЕТ

Я приезжала его проведать
Где-то раз в месяц. Может быть, реже.
Брала с собой книги и сигареты.
«Без них, — он шутил, — я телесная нежить».
Мы выходили во дворик больницы,
Уже освежеванный осенью ранней,
В листьях металась тревожные птицы,
Воздух пах зрелостью и увяданьем.
Я обещала кому-то «приветы»,
Строила планы, чему-то смеялась...
Он никогда не давал мне советов,
Только смотрел — серьезно и странно.
Все говорили: «Это надолго».
Долго — это когда ни к чему торопиться:
Целая жизнь — новогодняя елка —
Будет еще, смерть — небылица.
Век шел к концу, новый год надвигался,
Я на минутку заехала в гости.
Он был мне рад: молчал, улыбался.
И на прощанье: «Увидимся после...»

ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН

У меня зрачки на полпятого.
Люди часто спрашивают,
Не капаю ли я атропин,
Не стукнул ли меня кто по голове
(А то от этого бывают судороги),
Не проверить ли мне внутричерепное давление,
А лучше всего — сразу сделать
магнитно-резонансную томографию мозга
(Говорят, это помогает).
Нет, никто меня не бил,
И со зрением у меня все в порядке,
Томография дала отличный результат:
Обнаружили мозг.
Просто, понимаете ли, мне стоит больших волевых усилий
Держать глаза открытыми —
Это очень сильное напряжение.

***

Будет муж мне
 Тихий безнадежный алкоголик
 С красными усталыми глазами
 С робкой виноватою улыбкой
 Вечерами будет гладить кошку
 И смотреть немного элегично
 На буфет, где есть остатки водки
 Пока я перевожу продукты
 С электроплитой фирмы лысьва
 На санскрит, латинский или коптский
 Мы нашли друг друга — это счастье
 Всем и все муж с легкостью прощает
 Безучастность, эгоизм и нервы
 Он ведь все прекрасно понимает
 Просто клад и золотое сердце
 И не знаю, чем я заслужила
 Хоть в любви ни разу не признался
 Говорит, что непутевую меня жалеет

MIKEY

Вам все ясно. Мне тоже все ясно.
 Я во всем с Вами согласна:
 Я веду себя дурно, негоже;
 У меня глумливая рожа;
 Быть мне другом — тяжелая ноша;
 И вообще, во мне мало хорошего.
 Если только — хорошая память,
 Но и память в беспмятство канет.
 Долговечней, пожалуй, предметы:
 Феньки, постеры, книги, кассеты,
 Из бумаги рисовой серьги
 И пластинка ямайского реггей...
 В них меня Вам останется йота.
 Я Вам друг, я Вам брат, я Вам кто-то.

***

в первый раз она спадает с лица
 и шарахается как шуганная овца
 репетирует всепрощающий взгляд
 как слепая тычется наугад
 в амбразуру девятого этажа
 пока мама твердит тебе же рожать
 но она не откладывает на потом
 и вскрывает вены с закрытым ртом
 просыпается осенью в сентябре
 и пытается счастья в другой игре

во второй она выглядит пободрей
 говорит скорей бы уже скорей
 стал бы плотным любовный пот
 и дает разрезать себе живот
 открывает глаза прикусив губу
 а на ней все новое как в гробу
 ушки пальчики лоб пупок
 человек живой хоть какой-то прок
 и уже без страха глядит во тьму
 усмехаясь ей иль бог весть кому

в третий раз она выглядит деловой
 и с тревогой покачивает головой
 по-хозяйски осматривается кругом
 раздавая цэу покидая дом
 а потом в слезах глядит в потолок
 не оставь ее говорит мой бог
 гладит волосы утешает дочь
 надо спать на дворе уж ночь
 не жалея себя говорит малыш
 помни женщина умирает триж...

***

*Спи, мой мальчик дорогой.
Наше сердце далеко.
Плохо плакать, — все прошло,
худо или хорошо.
В. Соснора*

84 Ничего такого Семидесятилетний профессор с раком поджелудочной железы После восьмой дозы морфия вконец перепутал рамсы: Говорил по-английски, называл «п...дой» жену, Уговаривал скорую отвезти его в другую страну, Объяснял им: «Я умылся, покакал, поел, попил... Я ведь только родился... Я на свете еще не жил...», То вполголоса уверял, что его готовят в межпланетный полет, То кричал во все горло, что согласия не дает! На вопрос о том, что сейчас у него болит, Он ответил: «Зиночка, плюшевый зайчик, стыд». «Что за Зиночка?» — равнодушно спросил его врач, Но профессор плюнул ему в лицо и понесся вскачь, И тогда усмехнулась горько затраханная жена: «Эта та, которая ему не дала...» А профессор все лез в бутылку, размахивал кулаком... А к утру вдруг притих и свернулся калачиком, От бессилья заплакал, тяжело вздохнул, сказал: «Ладно, ладно... Боже, как я устал...»

***

Расскажи мне историю,
И я тебя пожалею,
Я тебя обниму и согрею
Своим сердцем в форме вьюнка.
Ну что ты молчишь?
Что ты мычишь?
Что ты плачешь так непонятно?
Что ты строишь из себя дурака?
Смотри, как охотно жалеют людей с интересной историей:
Их слушают,
Их понимают,
Их принимают на своей территории,

85 Ирина Косых
Дают советы, деньги, ключи от квартиры,
Окружают заботой, как сироту,
На них женятся,
Им покупают пальто,
Им всю жизнь
Мстят за свою доброту.
Что случилось с тобой
За прошедшую тысячу лет?
Неужели у тебя за душой
Ничего-ничегошеньки нет?
Ну, припомни какую-нибудь пронзительную историю,
Придумай, укради, возьми в долг.
Жалко спившегося художника —
Его бросила красивая жена.
Жалко повесившуюся пенсионерку —
Ее отвезли в настоящий морг.
Жалко бородатого мальчика —
Его истязал отец-садист.
Жалко влюбленную девочку —
Она выпала из окна.
Жалко слепую соседку —
У нее разбился сын-мотоциклист.
Даже дворника-наркомана и того жалко,
Потому что... потому что...
Да потому что у него пропала собака!
А тебя и пожалеть-то не за что,
Человека без истории...
Если... только... за то...
Что тебя и пожалеть-то не за что...
Бедный ты мой...

***

теперь ты размышляешь о своем
вот лента новостей уходит лесом
входящие выходят косяком
звонки конверты папки деньги пресса
ты в пятый раз не отвечаешь на вопрос
со свистом пролетают люди мимо

ты смотришь на завхоза но завхоз
участвует в какой-то пантомиме
ты смотришь на часы они стоят
календари зависли на неделю
и голоса как десять негрят
далекое нездешнее запели
теперь ты можешь думать о своем
от тайн рожденья до самоубийства
отсчитывает ритм метроном
летит бумага со стола как листья
в замедленном режиме телефон
он видимо звонит из преисподней
но свет погас отключен микрофон
и ты теперь смелее и свободней
в окно скребутся веточки берез
краснеют всполохи бесстрастного заката
ты понимаешь мало было слез
чтобы сейчас по-честному заплакать

ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО

В детстве у меня была подруга Танька.
Мы готовили концерты для соседей,
Собирали мухоморы и поганки
И играли в «Запорожце» дяди Пети,
Воровали сливы и крыжовник,
Подбирали ежей и кошек.
Жили беззаботно, славно, словно
Мы людей встречали лишь хороших.

А теперь у меня друган Серега.
У него «ТТ» и мотоцикл «Дукати».
Мы с ним пьем и часто, и помногу
С остальными проститутками на хате.
Но бывает, у него срывает башню —
Я тогда с ним маюсь, как с ребенком:
Уложу его, по голове поглажу
И спою «Прекрасное далёко»...

МАЙОР ЕВСЮКОВ

Да, майор Евсюков нажрался опять, как свинья.
Да, майор Евсюков не соображал ни хрена.
Говорили, что его доставала жена.
А я заявляю: его доконала родная страна.
Наша история, как родовое проклятие:
От опричников до бравой чекистской братии.
Покосившие сотни тысяч невинных людей
Получали пенсии, дачи, растили детей,
Спокойно старели, получали грамоты за заслуги,
Их рассказы о героической юности слушали внуки,
Крепко спали, младенческим сном без печали,
Привидения им не являлись, голоса не звучали,
Им не снились ни урочища, ни казематы,
Никаких нарушений психики — полностью в адеквате.
Это так, рядовые солдаты эпохи,
Марионетки истории — так сказать, лохи.
А ведь были и настоящие воротилы —
Так вот: этих тоже не воротило.
Да, майор Евсюков на этот раз обосрался всерьез,
Но ведь это непросто — быть в тридцать лет круче звезд.
Он поступил не по-взрослому и начал дурить,
Надо было класть кого надо и не мудрить.
Нет, майор Евсюков нажрался, как поросенок.
В свете новейшей истории это сущий ребенок.
Слушайте, ведь он работал среди таких кабанов.
Поймите, он учился жизни у таких пацанов.
«Милиция не знает таких прецедентов».
Мама, как я боюсь президента...

НИЧЕГО ТАКОГО

Ни доброго слова,
 Ни злого,
 Ни дарового,
 Ни дорогого,
 Ни встреч,
 Ни прощаний,
 Ни отчаянных надежд,
 Ни надежных отчаяний,
 Ни космической вспышки,
 Ни краткой, но яркой интрижки,
 Ни жалости,
 Ни ревности,
 Ни жадности,
 Ни щедрости,
 Ни легкомысленной памяти,
 Ни основательного забвенья,
 Ни бессознательной самости,
 Ни сознательного умаления,
 Ни скудельного чувства пробы,
 Ни всеильной любви до гроба —

Ничего такого,
 Моя сладостная горечь,
 Моя беспощадная нежность,
 Моя смертельная жизнь,
 Ничего такого,
 Ничего такого,
 Ничего такого,
 Что помешает тебе спастись.

ЗАВИСТЬ

В природе аномальные явления:
 Две вишни ожили в начале августа.
 Подростки в буйной стадии цветения
 Затмили записных красавиц запросто.

Уже запястья клонят гладиолусы,
 И розы сыплют бархатными чипсами,
 И астры распушают свои волосы,
 И даже я сию теперь со спицами...

КОСМОС

Галактика ночного фонаря,
 Пушистые созвездия планет
 И невесомых призрачных комет
 Из выпавших осадков января.

Миниатюрный космос познаваем:
 Послушные небесные тела
 Ладонку заполняют до бела
 И на глазах поочередно тают.

Так в детстве можно было все и вся
 Преобразить в отдельно взятый мир,
 Взять карандаш, как палочку факир,
 И Богом вдруг почувствовать себя.

***

На душе какая-то завязь
 Одиночества, то есть родства
 С пустотой. Я – бесцельный скиталец
 Разведенного кем-то моста.

Не маячат огни вдалеке,
 Не горит путевая звезда.
 Все границы давно на замке,
 Все дороги ведут в никуда.

Сквозь туман проступает абрис
 Берегов недоступной земли.
 Прыгнуть в омут – последний каприз
 Утопающего на мели.

***

Я в августе грущу по сентябрю,
Заранее предчувствуя его.
Девятый месяц по календарю –
Кому развязка, а кому — пролог.

Вкрадется в сердце робкая печаль.
Безвольная агония листвы —
Глубокой обреченности печать,
Предвестье долгосрочной немоты.

И я немею, я уже пуста
(Как коробок — все спички изожгли),
Огню предав все то, чего уста
Не смогут более произнести...

ОПОЗДАНИЕ

*«Бросил девушку, бросил девушку,
Как стаканчик, бл., одноразовый...»
Е.Фанайлова*

Слоняюсь в городе простудном,
Дождь моросит все непрестанней,
Проспект шатается, как пьяный,
Навстречу ночи беспробудной.

Не знаю, где остановиться,
Плыву в огнях рекламы тошной
Под взгляды странные прохожих
На гостью северной столицы.

Зайти в кафе и выпить виски,
И закусить холодным чаем,
Или в кино на час причалить
Ввиду отсутствия прописки.

Маршрут, проложенный без толку.
Какая щедрая награда —
Упасть в купе ничком на полку
Еще живой. Так мне и надо.

НЕТ СМЕРТИ

Я вижу вас, деревья, облака,
Последняя звезда перед рассветом,
И вас, о, голуби, парящие дуэтом,
Вы слышите, я вижу вас пока!

Тончайшей сетью сумрак полоня,
Мгновение мерцает снег в паденьи.
Я вижу: все так кратко, все так бrenно,
И чувствую: нет смерти для меня.

С ТОЙ СТОРОНЫ

Деревья темными путями
Ведут на небо черных птиц.
Там глаз орла следит печально,
Как птицы ниспадают ввысь.

Там бутафорский снег летает
(Любимый из моих снегов),
Как будто лодочку качает
Река без дна и берегов.

Там ветер не тревожит ветви,
Не гнет обугленных стволов.
Там миг прощальный, миг последний
Встречает сумерки богов.

***

Когда я думаю о тебе,
Во мне начинает звучать Тибет,
Шуметь Янцзы и шептать трава,
Дрожат китайские колокола.

Когда я думаю о тебе,
То птицы, падающие во мне,
Чертя крылом по прозрачной воде,

Бегут на цыпочках по волне.
 Когда я думаю о тебе,
 Все небо плывет у меня в глубине,
 Смеется тихонько во сне Паньгу,
 И сердца стук, словно звук баньгу...

***

Это был крутой бережок:
 Ни уступа, ни сухоцвета.
 Проступает ноябрьский снежок,
 Как пощечина без ответа.

Это изморозь на щеке:
 Просто ветер глаза щекочет.
 На любого кота в мешке
 Безрассудный найдется ловчий.

Это будет надежный кайф:
 Ни забыться во сне, ни спиться.
 Косяки журавлиных стай
 Курит вечная ученица.

***

Однажды — это значит никогда.
 Ты обещал на родину вернуться,
 Но жизнь спустя — ни камня, ни следа —
 Где родина была, там ныне пустынь.

Однажды — это значит никогда.
 Ты загадал проведать человека,
 Но отцветает жизнь, как лебеда,
 Запорошившая могилу имярека.

Однажды — это значит никогда.
 Ты все хранил тот адрес на конверте,
 Но жизнь сошла, как талая вода,
 Явив любовь как антитезу смерти.

***

Н.С.

Была трава юна и высока,
 И небо выливалось через край,
 В моих глазах зеленая река
 Плескалась и сверкала хрусталь.

Теснились грозовые облака
 И парашюты падали во сне —
 Я просыпалась, и твоя рука
 Лежала на моей спине.

Мы путали недели и часы,
 Плутали в зарослях степных цветов,
 Карманы, полные репья и росы,
 Как драгоценности, несли с лугов.

Но простирался между нами горизонт,
 И день сулил нам тысячу разлук,
 Садилось солнце за печальный склон,
 И счастье, как птенец, рвалось из рук...

***

Сиянье октября так зыбко и текуче,
 Как будто на глаза накинута вуаль.
 Где лес стоял вчера, теперь костер дремучий,
 Где боль секла виски — теперь светла печаль.

Не думай, не гадай, не спрашивай, не мучай:
 Не выведать секрет у рек или камней.
 А я теперь река: горька, темна, плакуча.
 А я теперь гранит: нет глуше и немей.

Я чувствую родство с далекою звездой,
 Которая во сне лишь видит жизнь мою.
 Я меньшей, безымянной хочу ей быть сестрою,
 В немыслимую пору, в неведомом краю.

***

Осенние цветы, как страсти, безнадежны:
Отчаяньем пылают последние дары.
Так женщины в любви порой неосторожны
В конце неумолимом цветения поры.

Не мудростью горят распахнутые очи,
Нет, не покоя жаждут, алея, лепестки...
Они себе весну, верней, беду пророчат:
За чувственный пожар — лишь пепел на виски.

***

По осени все запахи острее,
И сокровенней сонная земля,
Деревья молчаливей и мудрее,
Бесстрастней и забывчивей, чем я.

И что с того, что вновь похолодало,
И сад, как скоморох, стоит рябой,
Что впереди так много, и так мало,
Что ничего не светит нам с тобой?

Шепчу я, повторяя за поэтом:
«Прощай, тепло и нежность, легкость нег!»
Пускай меня целует даже летом
Да, ледяной, но вечно чистый снег...

***

Часто снятся гостиницы и вокзалы,
Затрапезный буфет где-то в недрах Урала,
Гул степей, переезды, товарняки,
Беспризорники, нищие, сквозняки.

Ощущение родины, как погоста,
Дым отечества едок, как гарь холокоста,
Точно дикий косарь корпит на славу:
Ни леска, ни рощицы, ни дубравы.

Дуракам остается трястись в вагоне,
В окна мутные биться, как скот в загоне.
Ни сойти, ни спрыгнуть — овраг здесь крут
(Хоть умом понимаешь, куда везут.)

***

Умудренный пороком все больше молчит
И грызет малахитову грусть.
«Если небо обрушится — не удивлюсь», —
Как философ слепой, говорит.

Он не ждет ничего, кроме новой беды.
Нараспашку не может любить.
Он привык без поклажи по свету идти
И ночами стирает следы.

Он приходит один и уходит один:
Одиночество — форма любви.
Он отшельник мечты и невольник судьбы —
Живописцем прожить без картин.

***

Ты знаешь, Марфой я уже была.
Носила воду и пекла лепешки,
Постель стелила и овечью шерсть пряла,
Детей растила от беспутного Сережки...

Наверно, потому я так люблю
Натруженные руки женщин кротких,
Что пить дают и воронью, и журавлю,
Что пристань тихая и кораблю, и лодке.

А в этой жизни все пошло не так...
Быть может, мне не то досталось имя?...
Во сне и наяву мерещится маяк,
Сигналивший: «Я жду тебя, Мария!».

***

Осенние мухи стучатся в окно,
 Прохладен и бледен осенний закат,
 О, как по-осеннему мне все равно
 Смотреть на осенний прискорбный парад.

На листьях записан решенный урок.
 «Я, кажется, умер дней сорок назад?».
 «Ну что ты, тебе все приснилось, сынок...» —
 В ответ улыбнутся седые глаза.

Уже отлетает земное тепло,
 И ежятся люди в нетопленном дне,
 До блеска промыто прозренья стекло,
 И я в нем тону, как дитя в полынье.

***

Любовь моя, как сон пролетает быстро.
 На северо-западе — Истра,
 На юго-востоке — Рязань.
 Будь добр, сигарету мне спартизань.
 На курантах с прошлого века тринадцатый час,
 Мы здесь бросили жить, и никто не вспомнит о нас.
 Нам являться лишь ощупью глаз, дрожью рук.
 Ты не знаешь случайно, когда в строй введут седьмой круг?
 С головой запрокинутой,
 С бледною синевою,
 С пустыми карманами,
 С сердцем вынутым
 Едем в поезде,
 Свернувшем на радиальную с кольцевой.

***

Дыша духами, сигаретами
 Она садится у окна
 Следит глазами трафаретными
 Как сходит за окном с ума
 Зима

То лапой за ухом почешет
 То облизнется, то вздохнет...
 Белеет парус безмятежный,
 Корабль посуху гребет.

***

Я чувствую какую-то неправду
 В любом благополучии.
 Я чувствую какую-то вину
 В любом страдании.
 Я чувствую какую-то игру
 В любом признании.
 Я чувствую какую-то надежду
 В любом отчаянии.

ПОЧТИ

Линия горизонта —
 Это еще не предел.
 Как «похоронки» с фронта —
 Плоды моих скорбных дел.

Мой корабль — бумажный.
 Пусть бороздит ручьи.
 Знаешь, терять не страшно,
 И не больно...
 почти...

ГАГАРИНА

А я — Гагарина, Гагарина!
 Меня встречают, как татарина,
 Кассиопеи и Центавры:
 Цветы, аплодисменты, лавры.

Я по космической повадке
Лечу стрелой, сверкают пятки.
Сверкают звезды, а над ними
Сверкает синий-синий иней —

Цель путешествия земного,
Там пух перины невесомый.
Вот долечу — прильну щекой
К беспечной вечности седой.

***

Зачем зовете вы меня,
Пристрастия деревьев?
Я не сестра вам, не сестра...
Я вам не верю.

Зачем смотрите на меня,
Овечьей мести звезды?
Испепеление — не вам!
Гореть нам розно.

Зачем вы любите меня,
Столь чуткой лести камни?
К неуязвимости огня
Мой стан приставлен.

Он мне и тень, и свет, и путь —
Пусть я совсем ослепну.
Мне в радость с ним и боль, и грусть,
И полог бедный.

Я перережу провода,
Заколочу все ставни.
Звоните мне потом — когда
Ненужной стану.

НОЛЬ ЖЕЛАНИЙ

Нет, я не хочу говорить о работе,
О курсе евро, о веяньях в моде,
О рынке недвижимости и ипотеке,
Об all inclusive в турецком Белеке,
Хороших процентах и срочных вкладах,
О скидках в Меге и Эльдorado,
Цене на бензин, роскошных седанах,
Московских пробках, прикольных баянах,
О новой формуле новой дряни...

Хочу курить и... ноль желаний.

***

Холодеющие ночи
Фонареющие люди
Мой чердак не заколочен
Он прозрачен, всем доступен
Я сутулюсь, я скрываюсь
От чужих бесстыдных взглядов
Из-под града выбираюсь
Леденящих звездопадов
Если б я была свободна
Я носила бы шкатулку
С тихой музыкой вагонной
С тишиною сонной гулкой
И еще стальную флягу
С ромом, виски или джином
Завела б себе собаку
Назвала б, конечно, Джимом
У небесного залива
Проводила бы денечки
Возле линии отрыва
У последней жирной точки

***

«Жигули» зажигают
И газуют «Газели»...
Над гнездом пролетая,
Мы с тобой пролетели...

Раскуроченный мозг,
Поминай, как нас звали...
Пальцем в небо попав,
Мы с тобою попали...

Все на свете бывает,
Пока тянутся жилы...
Из быстрин выплывая,
Мы с тобою приплыли...

***

Я бреду, как во сне, наугад:
Доверяю любым поворотам,
Откликаюсь на все имена,
Принимаю любую природу.
Я спросила у звезд мириад:
«Почему жизнь из крови и пота?»
Те ответили: жизнь — это ад.
И добавили: жизнь — это сад,
И возделать его должен кто-то...

***

В сущности, что остается после
Выдоха? Вкус железа
На языке да легкая проседь
В сердце – плоды ликбеза.

Будет ли утро мудрее ночи –
Вовсе не в этом дело.
Пусть синица моя не пророчит,
Главное, чтобы пела...

***

Кроткая! Я очень кроткая!
Немножко Лорка я..
Немножко Гарсия...
Немножко сбилась я.

По синеночной,
По синещечной,
Щетине звездной,
Синевенозной —
Серпом Гекаты,
Клыком акулы,
Китом зубатым
Я полоснула.

В зеркале бездонном
С пенной бороздой
Отражаться больно
Вспоротой звездой.

***

Не хочу туда, где слезы были легки
Ни туда, где одной по краю пришлось пройти
Ни туда, где я была рекой счастья

Я хочу туда, где мы не коснулись руки
Я хочу туда, где мы в полдень сбились с пути
Где в тебя, как бесстыжий вор, прокралась я

***

Девочка моя нежная
Голубка моя синеглазая
Воробушек доверчивый
Пьющий с руки

Нищая моя беженка
 Болезнь ты моя заразная
 Летчиком пьяным леченная
 До смертной тоски

Я с тобой поступала круто
 Как любимый мужчина
 Я тебя ненавидела люто
 Как нелюбимая женщина

Но когда ты нужна кому-то
 Ты становишься вечная вечная
 Вечная.

***

Голая королева любила пить водку,
 Целовать солнцы в весенней луже,
 Носить из веселых картинок пилотку,
 Подсыпать соевый яд малолетке—мужу.

Подруга-пустельга рисовала ей платя,
 Но велела носить их только в гробу,
 Она верила, что все люди — братья,
 Поэтому на табу у ней было табу.

Постоянно пребывая в молниеносном ударе,
 Вся прям наэлектризованная, трещала как ЛЭП,
 Лежала она — красивая, размазанная — в будуаре,
 Дрыгала ногой и читала гомерический рэп.

***

Мало скажешь, а будет много.
 Много выпьешь, а будет мало.
 Не суди меня, трезвый, строго.
 Я свое сполна отмолчала.

Одарили меня, как море,
 Одевали меня, как рощу,
 И любили меня, как горе,
 А женились на ком попроще.

Разлетелись все мои птицы,
 Разбежались все мои звери,
 Только мне никуда не скрыться
 От счастливой своей потери.

***

Вечность. Ясно. День фламандской школы.
 Воздух пахнет льном и кока-колой.
 Петухи свистят дивертисмент.
 Пляшут змеи, словно облак лент.

Явь ко сну приходит, как конвой.
 Рушатся миры — за слоем слой.
 Прободав их ноздреватый лёд,
 Современность-временность всплывёт.

Сядешь аки будда, созерцая
 Внутренности хитрого Китая.
 Встрепенутся брови, как грачи,
 И в висках заплещутся ключи.

I'M LOVING IT

Голоса врачей, библиотекарей,
 Старушенции в картинной галерее,
 Экскурсоводов, лекторов, аптекарей —
 Слушать их, как будто кто приклеил!

Чудо правильной артикуляции,
 Интонации всеведства педантичные,
 Я люблю выслушивать нотации —
 Человечные, но и педагогические.

СОЛОВКИ

Там небо низко, небо близко
Плывет венчальным покрывалом,
И поминальною запиской,
И мантией из горносталя.

Там облака тугие ваты
Лес влажный скорбно промокают,
Там и комарик виноватый,
Там волк не воет, псы не лают.

Смола, как кровь, на землю капнет,
И море бурое обмоет,
Но нам бинтов вовек не хватит
Кровотечение успокоить.

***

Между нами – небо.
Между нами – горы.
Между нами – море.

Нам с тобою – немо.
Нам с тобой – покорно.
Нам с тобой – просторно.

Медленным Икаром —
Да над пенным садом,
Солнечным огарком –
Над волнистым стадом.

Высотой тоскуем.
Широтой болеем.
На ветвях у туи
Тихо соловеем.

***

Все укрыто снегом.
Все покрыто мраком.
Для души ночлегом —
Поле за оврагом.
Ничего не помню.
Никого не знаю.
Снег идет паломник
И бинтует раны.
И бинтует память,
И бинтует веру.
Тихий, кроткий странник
Мне отсыплет меру.

ВВЕДЕНИЕ В ПРЕДМЕТ

Алексей Антонов
ЭКОНОМ–КЛАСС

ДУША ПОЭТА

Как ежевикой или геморроем
Истерзан я своим лирическим героем.
Он наг и бос.
Он Бах и Босх.
На всех конечностях его стигматы.
Он изъясняется принципиально матом.
Он сослан то ли в Чердынь, то ль в Анадырь.
Он одинок, унижен и раздвоен,
Слюняв, гугнив, самонеуспокоен.
И пристаёт, все время пристаёт,
Ни чая—водки выпить не даёт.
А я люблю вельветовый халат,
Служу в конторе, выгодно женат.
Сажу в «Порше».
Да и вообще
так ...
Ништяк.

АЗ ЕСМЬ

Аз есмь любовь, а завтра буду смерть
В шальварах шелковых, в цветах пятиаршинных,
Аз есмь вода, а завтра буду твердь
В стараниях своих почти машинных.
Аз есмь жена, но завтра буду муж,
Алкающий и жадно влагу пьющий.
Аз есмь всегда и всюду и к тому ж
Аз – вездесущий.

КОЛХОЗ

А я начну работать и колхозничать.
Переносить тяжелое, исподничать..
И если пальцем ткну
В твою хоть в в ость, хоть в ось –
То вождь, то бомж.
А то повместе, а не врозь.

108

Эконом-класс

Б О Е В О Й Л И С Т О К

(письма из Советской Армии)

СЕСТРЕ

Здравствуй, Лиза. Снова в мире слякоть.
Вот и год свой замыкает круг.
Доживу его, покрою лаком,
В самый долгий ящик приберу,
И начну второй, начну последний,
Нестерпимо длинный, коротать,
Чьих-то дел невольник и наследник,
То ли ратник, то ли оратай.
Знаешь, Лиза, мне приснились горы,
Полузатонувший в море диск,
Буйство фауны, дремота флоры,
Кипариса темный обелиск,
Персик на сиреневой тарелке,
Белое прохладное вино...
А проснулся – нету телогрейки,
Сигарет и денег на кино.
Видишь, Лиза, я меланхоличен,
В голове моей живет инсект.
Это – времени избыток личного,
Недостаток партполитбесед.
Это – яблоком запахла доска,
А по пустырям (хоть не ложись!)
Распевают пьяные подростки
Про свою загубленную жизнь.

109

Алексей Антонов

НА ПОСЕЩЕНИЕ ВЕЧЕРНЕЙ (СМЕННОЙ) ШКОЛЫ № 3 Г. СОКОЛА ОТДЕЛЕНИЕМ ВОЕННЫХ СТРОИТЕЛЕЙ

Работа кончена. Я мою руки с мылом
И бреюсь чисто, как, бывало, под венец.
Ах, Софья Павловна, Марь Ванна, ах, Людмила
Петровна! Близок наших встреч конец...

И снова соловьем среди снегов
Поет звонок, и я сажусь за парту,
Вникаю в формулы, гляжу на карту
И нюхаю инертный газ аргон.

На улице темно, метель, декабрь.
Летит к концу уже вторая четверть.
Рассеяно рука абсциссу чертит,
И строго смотрит со стены Декарт.

А хочется внимать, считать, решать,
Но двоечник-сержант в колонну строит,
И мы уходим нехотя, по трое,
Вздыхая и тетрадками шурша.

НОВЫЙ 1980-Й ГОД НА СОРТПЛОЩАДКЕ ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕГО ЗАВОДА 223 ВОЕННО-СТРОИТЕЛЬНОГО ОТРЯДА (Г. СОКОЛ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Шампанское в серебряном ведерке,
Набитом льдом, подносят вам к столу.
Юлит лакей: — Маслин или икорки?
Жульен? Анчоусы? Балык белуг?
— Икорки... Да не красной, братец, черной...
Ведь нынче не Седьмое ноября...
И бьет струя в бокал с ногой точеной,
И жиром золотым балык набряк,
И веерами разлеглись колбасы,
Во мраке пунша светится фитиль,
Наряды дам пестрее шкуры барса.
Год завершён почти.
Без двадцати...

Без двадцати...
Еще до переставки
Минут осталось двадцать — двадцать пять,
А по возам уж лезет бракер Клавка
С бутылкою напитка «Листопад».
Отечество! Пусть будет праздник долог!
Мне внятен зов (веков? или низов?)
Лишь этой ночью новогодних ёлок
Я набросал четырнадцать возов!
И рамщик Ерофей со мной согласен.
Сказал, насупясь, рамщик Ерофей:
— Ты, знаю, в пьянстве лют, подрамщик Вася,
Но этой ночью лишнего не пей.
Сверхплановой ударною доскою
Идем капитализму на таран.
Мы – вместе с беднотою заводскою
Различных развивающихся стран.
В народном хороводе новогоднем
Мы нужный пиломатерьял даем...
И пляшет Клавка на возу: сегодня
В лесу родилась ёлка у нее.

ПИСЬМО ДЕМБЕЛЯ

*...и пальцы разбрасываю, разломавши.
В. Маяковский*

*...добрый вечер, мисс.
С. Есенин*

Люда! Ты не пишешь. Отчего же?
Может быть, «должно быть, ты легла»?
А моими чувствами, похоже,
Ты пренебрегла...

Что ж, куплю себе очки-феррари,
Стройный стан варённой обовью,
Ядом крепче яда трав кураре
Я тебя обильно оболью.

И пройду, лощен, самоуверен,
Закажу тройной аперитив.
О! Как буду я высокомерен,
Но одновременно и учтив.

Взгляд твой встречу и с оттенком скуки
Лишь в полупоклоне изогнусь.
А смотреть, как ты ломаешь руки —
И не оглянусь...

К О Ф Е - Б Р Э Й К

БИЗНЕС-ЛАНЧ

*Живу среди глухих заборов...
Н. Якушина*

Между второй и третьей водкой —
Обрывок телесериала,
Где мочат мусорные волки
Простого милиционера,
Которому известна тайна
Отходов радиоактивных,
Жена которого случайно
В движеньях ультра—прогрессивных
И в средствах контрацептивных.
Татуированная в задницу,
Она испещрена драконами.
Но – милиционеру нравится,
Что трах их освящён законами.
Не досмотрев, но пообедав,
Уходишь, будто посторонний.
А чья возьмет? За кем победа?
Где те отходы похоронят?
Вот так ты жизнь и проворонил,
Вот так и простоял в сторонке,
Питаясь бездуховной пищей
Размеренно и ежедневно.
И ты не принц, хотя не нищий.
И от тебя уйдет царевна
К простому милиционеру,
Которому известна тайна
Отходов радиоактивных,
Жена которого случайно...
И т. д.

НЕХИТРЫЕ ПРЕДМЕТЫ

(стансы)

А море хлюпает нам нежно
И расстилается простынкой.
А в небе устоялись звезды,
Счисляя время и пространство.

Вздывают множественно струи
Безудержные рты фонтанов
И рвут издерганные струны
Душ исторически усталых.

Отлитые из вторцветмета,
Былого века атавизмы,
Стоят нехитрые предметы
На площадях моей отчизны.

(Хотел было сказать: на стогнах,
На поприщах в известном смысле,
Но мой издатель не настолько
Погряз в интеллектуализме).

Иные патиной покрыты,
А всё ещё неслышно ропщут:
Убито, мол, в земле зарыто.
И вид их неприличен, в общем.

А мы идем из кегельбана,
А мы спешим на караоке,
А я играю мышцей бранной.
И всем понятно: нас не трогай.

А впереди – такая прорва
Такого сладкого говнища.
А вам, нехитрым, помнить просьба:
Вы – за меня отдали жизни.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ВЕКА

Женщины наши были солдатки.
С бору по сосенке,
С миру по нитке
Мы воздвигали наши магнитки.
Распродавали наши манатки
И подбирали с полу монетки
В полукопейку, в четверть копейки.
Ступай газ—воды без газа попей—ка,
Сбросив последнюю камилавку.
Употребив предпоследнюю клавику.
Но – мы воздвигли кругом пирамиды.
Чем по сей день и восславлены миру.
Расторговали наших кумиров
Граду и миру.
Распотрошили наши идеи.
И уже, собственно, где и
Наши магнитки,
Наши манатки,
Наши монетки,
Наши бессмертные мертвые души?
Может быть, в Польше?
Может быть в мак— этой —дональдской суши?
Может быть – в Райской развесистой куще?

ЗОВ

Поедем в Болдино, сестра,
На всю оставшуюся осень.
Сойдём у первого двора
И там пристанища попросим.

Там, позвонили, возлюбя
Себя во всей своей природности,
Находишь самого себя
И с тем живешь вне срока годности.

Там, говорят, сейчас сезон
Успения природоведенья.
Леса обуревают сон
В предвосхищеньи вдохновения.

Там, пишут, дышится легко.
Там каждый вечер в столбик пишется.
Там неснятое молоко
И живы буквы ять и ижица.

И, сырым, нам дадут приют,
К нему – в мундирах три картошки,
И на руки воды прольют
Из алюминиевого ковшика.

И будем плакать до утра
В неверном свете керосиновом.
Поедем в Болдино, сестра.
В последний раз поедем, милая.

ДОЛЯ

Долю мою долю,
Долю молодую
Перекасти—поле,
Смяли, обалдуи.
Лопухом заросшая
Покосилась хата.
Шестеро по лавкам,
А седьмым брюхата.
Лето мне не в лето,
Небо мне в овчину.
Где бы завалящего
Отыскать мужчину,
Чтоб хоть пил сивуху,
Но и домом правил,
Чтобы всю проруху
К осени поправил,

Чтобы бил с рассвета,
Но жалел чтоб ночью.
Хочется мужчину
Очень—очень—очень.

ПЕРЕХОД ТУДА

Обрызган снегом,
Обгрызен ветром,
Умом обужен,
Лежу примерно в полкилометра.
Лежу на почве,
Подвергнут порче,
Ни на... не нужен.
И не подняться. Не встанешь на ноги.
А в голове – всё паморки, паморки.

ПРОСТО ПЕРЕХОД

Перед светофорами
Стоим секундомерами.
Юлим на стуже.
Курим снаружи.
А они все – красные,
Все запретные:
60, 59, 58 – и все прекрасные,
А и мы не бедные,
Потому что нас не давят – и это уже хорошо.
А чего же тебе ещё?

ВОДКА КОНЧИЛАСЬ

Ты, конечно, всё придумал:
Инквизиторские пытки,
Алкогольные напитки,
Бог Господь.
Но и всё предусмотрел.
Вот закончилась водка.

Но и начался прострел.
 Попрошу не беспокоить.
 Слава миру и труду!
 Я за новой не пойду.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Сижу поедаю нелётных птиц,
 Куриц и их яиц.
 Любовь выбираю по порноролику,
 А вечером беру почётный приз –
 Литр джина и толику тоника.

Сижу проедаю родительский дом,
 Хоть дом в основном целиком пропивается.
 Живу не трудом, но живу с трудом.
 Мечты не сбываются.

Портрет пропускается сквозь фотошоп
 И, благодаря фотошопу,
 Находишь в ряду обаятельных лиц
 Свою симпатичную жопу.

ДУША

И полоснули Сёмку, как сёмгу
 В целях засола красной икры.
 И понавывлезли Сёмкины соки,
 Кишки, печенки и дры.
 Так разобрались с Сёмкою суки.

Чёрным пакетом по белому снегу
 Дуриком и кувырком, без гроша,
 Мечется, мчит под колеса с разбегу
 Мятая Сёмки душа.

«КЕНТ», ЕДИНИЧКА

Курение убивает,
 А значит приносит смерть
 В каждой купленной пачке.
 И я покупаю смерть.
 И мне продают смерть.
 «А мы вас предупреждали».
 Но это легкая смерть.
 Смерть—Единичка.
 Смерть единична.

ПРОЦЕНТ

Серьёзные мужчины в пиджаках,
 Моей страны последние этруски,
 Сидят себе и делят так на так
 Процент с Бобруйска.
 А тот процент пока выходит в цент
 Бабла Ордала.
 Но будет прирастать травой процент
 Помалу—мало.
 Серьёзные мужчины в пиджаках
 Мусолят галстук.
 Мужчины, я давно у вас в руках.
 Мужчины, здрасьте.

КУРЬЕР

Курьер бежит в крылатых тапочках,
 Курьер стремится по Щипку.
 Он одинок, но он и лапочка
 С тяжелой сумкой на боку.
 Курьеру тыкают охранники
 В его нечистые штаны.
 А сам курьер курьеру нравится.
 Ну если так, со стороны.

НО ЖИВ

Как Вразумовский, бесполезно
 Я жил и мыслил, что прокатит.
 Но поутру отверзлась бездна,
 Сосёт с руками и ногами.
 И шутки все вразлет, как утки,
 И правда вяще вещет прямо,
 И отраженья в стёклах жутки,
 И дразнят семо и овамо.
 И я, самим собой придуман,
 Стою бессмысленный, безместный.
 Пускай бы лучше взял да умер,
 Как Вразумовский, всеполезно.

НО МЁРТВ

Душа моя безразмерно пуста.
 Душа моя без креста, без Христа.
 И Господь затворил мне насмерть уста,
 Если это назвать «уста».
 И сижу в немоте, сижу в слепоте,
 В маете сижу, в суете,
 В отчаянии сижу.
 И хочу быть как все, хочу как все.
 Но чем-то не подхожу.

ПО БЫСТРОМУ

Он служит мальчиком по вызову
 И едет (нравится – не нравится),
 Чтоб сделать всё про всё по—быстрому
 И в два часа на круг управиться.
 Она – между нещадным фитнесом
 И беспощадным колумнизмом,
 И не теряя концентрации,
 И растрясет его, и вытрясет,
 Всосёт и выплюнет из жизни
 В своем высоком феминизме.

А он печально и униженно
 Придет домой, пошарит в корме.
 Но даже водки не положено,
 Поскольку постоянно в форме.

ВЫВОД

Как углекопа из забоя,
 Его выводят из запоя.
 И тяжело идти.
 И некуда вести.
 Прости.
 Всех нас прости.

КЛАССНЫЙ ЧАС

Трипперные мальчики,
 Подлые обманщики,
 Онанисты грязные,
 Гниды безобразные,
 Сволочи поганые,
 Двоечники пьяные,
 Не валяйте дурочку,
 Не валяйте Шурочку
 По полям некошеным,
 По диванам кожаным,
 По подсобкам засранным,
 По местам безнравственным,
 По авто раздолбанным.
 Дети! Будьте добрыми!

GAME OVER

Я целовал Дездемону
 На ворохе пыльных кулис
 В сумрачном зеве
 Страстями измученной сцены.
 Чинно молчал бельэтаж,

Только в девятом ряду
 Горько скрипело
 Поломанной спинкою кресло.
 Старого мавра забыв,
 Мы на пурпурных волнах
 Тихо качались,
 Распутно и весело плыли.
 А Дездемона смеялась
 И белым платком роковым
 Сладкий шекспировский пот трудовой
 Мне со лба утирала.

УЩЕРБНАЯ ЛУНА

И ночь, и осень в мой забралась двор.
 В потёмках ветер рвёт с акаций платья.
 Ущербный месяц, немощен и хвор,
 Бредёт по небу в стираном халате.
 И я стираю. Ночи напролет
 Поёт моя стиральная машина.
 И зигзагообразно воду льёт,
 И выдаёт простирано и чинно.
 Напротив – окна золотом бурлят.
 Там женщины меняют туалеты,
 У зеркала оттачивают взгляд.
 Тут входят крутобедрые атлеты
 И, обхватив их нежно, как сосуд,
 Сначала пожирают влажным взглядом,
 Потом ведут (бывает – и несут,
 Повиливая напряженным задом)
 Во глубину, во таинство, во мрак,
 В перины и шелка ночных альковов.
 И слышен лязг, поскольку там и так
 Куются прочно брачные оковы.
 Где вы теперь, лавровый вкус побед
 И розовые флаги добродетели?
 Как из суда бросаются в побег,
 Бросаюсь я в общественную деятельность.
 Проходит осень в жизни и вообще.

Багряным золотом горят, листвятся купы.
 И сквозь дыру в души моей плаще
 Нас покидают женщины и зубы.
 Приходит день, и холоден, и чист,
 Семеркой пик, чем сердце успокоится.
 И тополь отдает последний лист,
 Как отдает последний рубль пропойца.

СЕНЬКА

Скорее Сенька, а не Сенека,
 Молюсь намоленной молитвою,
 И вены режу вострой бритвою,
 И пью зеленую и горькую
 За каждого второго алкоголика.
 И по утрам надсадно харкаю.
 И на кресте вишу изящно.
 Всё приходяще – проходяще.
 И Третий Рим – не целый мир.
 Согласна, Ир?
 А может ты уже Оксана.

ПРЕЖНИЕ РЕСТОРАНЫ

Там люстры мечут в дым лучей пучки
 И музыканты, как борцы, вспотели.
 Там, на нос вздев туманные очки,
 Красавец бармен колет лёд в коктейли.
 Там плечи аппетитны, как калач,
 И фикус источает запах пудры.
 Там ветер с кухни, как самум, горяч,
 А в кухне задирают ноги куры.
 Там половой юлит над головой
 И в ухо что-то сладостное шепчет.
 Метродотель застыл, как часовой,
 И фрак метродотелев безупречен.
 Там льют в хрусталь хрустальную слезу,
 А даму томно потчуют шампанским.
 Там подают вчерашнее азу,

При этом изогнувшись по—испански.
 Там на дверях стеной стоит швейцар,
 Галунным лунным, каменным ли гостем,
 И каждого—то ловит на живца.
 И вы, входя, ему на лапу бросьте.
 Там общепит, а значит – надо пить
 Отчаянно с аванса ли, с полочки.
 Жизнь положить и умереть—забыть.
 Такие штучки.

РАЗГОВОР

- Веди меня туда, куда течёт река,
 Чей берег вылощен и чей бездонен омут,
 Чья тёплая струя, как нежная рука,
 Омывает, утолит, огладит и не вспомнит.
 Веди меня во мглу густых подводных трав,
 Волнующихся вдоль её теченья
 В своих сокрытых сумрачных мирах
 И изумляющих до восхищенья.
 Молю, веди меня, введи меня, веди
 Извивом твоего тугого русла,
 Причудами размокшего пути,
 Болотом переброженного сусла...
- О! Как устала я ложиной праздной течь
 Под небом равнодушным и недвижимым.
 Приди и принеси не мир, но меч,
 Что страшен только хворым и невинным.
 Войди не торопясь, а лучше — бросься вдруг,
 Войди и рассеки томящиеся волны,
 Как остроносый запорожский струг.
 Войди и пустоту мою собой наполни.
 И медленно плыви, качаясь на волне,
 Вверяясь мудрости разнузданной стремнины.
 Изведай изнутри, а не извне
 Мои сочащиеся счастьем глубины...

ВОТ ТЕ И НА...

Если все мы виноваты –
 виноватых нет на свете:
 категория исчезла,
 оппозиция пропала.
 И тогда мы чисто святы
 и безгрешны, ровно дети,
 дети века золотого,
 дети светлого Эдема.

СБОРЫ

Приехать в Оптину и умереть в скиту
 С Амвросием, голубчиком, на пару.
 У самых—самых ног святого старца
 Под пение монахов и под звон
 Колоколов насыщенный и медный.
 Приехать в Оптину. Но вряд ли я поеду,
 Поскольку сукин сын, а не Леонтьев.

ДР

0.0.

31-е декабря.
 День рожденья календаря.
 С новым годом и с новой мукой!
 С новой скукой и с новой сукой!
 С новым зря и с новым не зря
 В оглушительных темных потемках.
 И с беспамятством вас в потомках.
 Бря! Хря!

ПУТАНИЦА

И звери бегают по улицам,
И люди мочатся в лесах,
И управляют нами дворники.
И всё вконец перезапутано.
Но я молчу. Но я молчу.
Хочу харчо...

ЖЕЛАНИЕ

И хочется мне, чтоб в окрестности
Невидной и невзрачной местности
Мне доставалось популярности
С учетом всей моей посредственности.

ПУТАНИЦА–2

Беда. И никакой войны.
И мы живем почти что мирно,
Учитывая, что суждены
Любую сказку сделать былью
И миру быть всемирно миром
Во всем необозримо.

ЕЩЁ НЕ ВЕНОК, НО УЖЕ БУКЕТ

В ЗАПАС!

(сонет)

Хочу уволиться в запас,
И со скамейки запасных
Сидеть поглядывать на вас,
Легионеров записных,
И пусть не получу уж пас
От виртуозов основных.
Пусть каждый желторотый асс
Даст оплеух мне развесных,
Но если вдруг беда, и сплошь
Покличут старых нас калаш
Из баснословного балласта,
Воспряну, аки старый лев,
И выйду в бой, не пожалев
Щелочного–кислого баланса.

БЕССОННИЦА

(сонет)

Бывало, спал я без задних ног,
Спал без передних рук,
Стоя спал, и сидя, как йог,
Спал один и сам—друг.
И даже представить себе не мог,
Что сладкая дрёма вдруг
Преобразуется сплошь в ожог
Нечеловеческих мук.
Ночь напролёт я ворочаюсь, зря
Спину лишь волдыря.
Даром скрипит кровать.
Сон от Федота уходит к Кузьме.
Солнце восходит в бессонном уме.
Время цветы поливать.

ИМПОТЕНЦИЯ

(сонет)

Мои паруса уж давно не туги.
 Форштевень и вкривь и вкось,
 И яйца свисают до пол—ноги,
 Как перезрелая гроздь.
 Но если уж взялся бежать – беги,
 Нащупай в промежности кость.
 А если скажут смоги – смоги
 Во всю мускулинную злость.
 Не то что с женой, а даже с иной,
 Не тем, чем жена уверяет, больной,
 Не вынести мне абордаж.
 И слабое сердце не вздрогнет со сна,
 Не встанет на грозном утесе сосна,
 А встанет – так спилишь и оптом продашь.

ИЗ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ

ДАВИ ИХ!

Непобедимый Волкодав
 Геройствует в потертой сумке
 И хлопает небожно по бедру.
 Пусть хлопает – ведь не умру
 От буйных по–Семеновски фантазий,
 Клубящихся, как пена в тазе
 (Какая рифма – я валяюсь!)
 В метро на «Дмитровской» сопротивляюсь
 Адептам зла мерцающим мечом.
 И что почем – а всё мне нипочем,
 Покуда меч сияет за плечом.
 Крошу в куски нарданцев и батайцев,
 И прочих мелких незаметных зайцев.
 Верчу плащом.
 А Божия душа моя стесняется,
 Но чтит в душе предписанное чтиво.
 И это лихо.
 Но и дико.

РУССКИЙ ШЕКСПИР

1. ГАМЛЕТ

Меня за пьянство бросила царевна,
 А я зато назло ей бросил пить.
 И вот проблема:
 Жить или не жить?
 Пить или не пить?

2. ЛИР

Мне сокращен метраж.
 Я снят с довольствия.
 И вышел я в тираж
 За удовольствие
 Ходить с мешком пешком
 Кругом по городу
 И исходить смешком
 В седую бороду.

3. РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Она была у нас Джульеттою,
 А я служил при ней Ромео,
 И с жару, с пыла.
 И были мы ещё студенты
 Совместно творческого вуза
 И совместителями ТЮЗа.
 Но честно если – не до этого
 Тогда нам было.
 Когда у нас была премьера,
 После овации обвальный
 Я так ее тогда отксерил
 И в фронт, и с тыла.
 И это было актуально
 В смертельной качке корабельной.

4. ОТЕЛЛО

Я душу её, душу,
 Платком утирая пот.
 Платком затыкая рот.
 Применяю кунг—фу и отчасти у—шу.
 А шорты на ней очень шорт.
 И что же я делаю, шит!

5. БУРЯ

Мудрец учил арапа русской грамоте.
 Арапу это дело даже нравилось.
 Но лучше все же улицу мести.
 Мудрец, прости.
 И отпусти.

ОСТРОВ УЕДИНЕНИЯ В МИХАЙЛОВСКОМ

Бывают нестерпимы прения,
 Волна молвы и даже девушки.
 И островок уединения
 Для внучека насыпал дедушка.
 Не достигал еще до лампочки
 Прогресс, тем паче — до компьютера.
 И дедушка поставил лавочку
 И проворчал: Не обессудьте—ка.
 А внучек, хоть и рос не в золоте,
 Без бриллианта на булавке,
 Посиживал в районе Сороти
 На ладной дедушкиной лавке.
 Сидел, посиживал, высиживал
 Куриные яички текстов
 И золотое выплел кружево,
 Что кормит сонмы пушкинистов.

ПИСАРЕВ — ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

Я смердь. Я твердь. И я безумен.
 К тому же и канатоходец.
 И я гуляю по канату.
 И на руках, и кверху ножки.
 Я, может, умереть задумал.
 Но не выходит. Что же делать?
 Ужели броситься мне в волны?

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Зима. Фашистская Германия.
 Два брата Манна Генрих с Томасом
 Пакуют рукопись в контейнеры,
 И стопудова графомания.
 Вокруг кругом шпиономания.
 Склонились сырые над глобусом,
 Стоят и смотрят за границы:
 Куда б укрыться?
 Куда оправиться автобусом?
 В СССР ли, в США?
 А?
 Где подлиннее демократия?
 Где подлиннее?
 (А всюду беспощадны гитлеры,
 На нас, на соль интеллигенции
 реальных настоящих немцев),
 Учитывая всё же тем не менее,
 Где будет гонорар и больше премия.

ПУТЬ

(что-то из Достоевского)

Пахнуло смертью подворотнями
 Настуженными и холодными.
 Которыми ещё идти.
 Ещё пройти
 Ещё дойти
 Конец пути.

ИГРА ПРЕСТОЛОВ

Злым лютоволком,
 Рыкающим, лающим,
 Я вас убью мечом своим сияющим,
 Убью, конечно, не по настоящему.

Убью, должно быть, даже по приятному.
 Но прежде прежнего умру,
 Клинок вкладая во влагище,
 Где быть ему и полагается.
 Я вас убью, но прежде вас умру.
 Пока же сру.

ВТОРОЕ ИГО

Они пока что параллельно
 Несут своё чужое пламя,
 Но упираются ногами
 Уже и твердо, и уверенно
 В мою морщинистую почву,
 В мою покойницкую маму,
 В моё метро, в моё нутро.
 Сидят в однообразных шапках
 В моих мытищинских вагонах.
 А я возьми, а ну пожамкай
 Портрет их трепетной души,
 Поигрывающей телефонами,
 А зачастую и смартфонами?
 И я кручу политкорректно
 Им вежливо с утра мурло.
 Но в люльке, в бархатной коляске,
 Пока по парку и ползком,
 Ещё молчком, ещё тишком,
 Уже рожден, ещё попляшет
 Им наш простой, но князь Донской.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Вот говорят, он был тишайший,
 Но был и истины взыскующий.
 А иногда и топнет ножкой.
 Но понемножку, понемножку.
 Потеше – потому тишайший,
 Смиренно Бога вопрошающий
 И преждевременно почивший.
 Ещё – Антихриста зачавший.

АВВАКУМ ПЕТРОВИЧ

А было – с непреклонной маковкой
Шаламовской безустой пылью
Влачился со своею Марковной
Неискончаемой Сибирью.
Бывало, Марковна и взропщет,
Бывает, шла, а вдруг и встала.
И он ей говорит построже:
«Ты отдохни, когда устала».
И та как встала – так и стала —
Святой женой в итоге стала.

БРАТЬЯ ОРЛОВЫ. ПЕРЕВОРОТ

На вилку Третьего Петра
Мы насадили, как огурчик.
И вырезали фуа—гра
Из трепетной его фигурки.
Чего уж лучше!
А матушка была добра,
А матушка была щедра
К спецназу путча.
Чего уж лучше!

РЕТИРАДА

Оставил Кремль Наполеон
И по спаленному Арбату
В походном сертуке помятом
Смоленским трактом едет он.
И рати гноем потекли
По телу снежному отчизны.
Народ безмолвный допекли.
И ратям тем ни стало жизни.
У старой гвардии блестят
В седых усах алмазом слёзы.
А те, кто канул здесь без пользы,
Те по обочинам сидят.

Обводит мрачным взором он
Обуглившиеся деревни,
Картины бед и разоренья,
Колоколов осколков звон.
И непонятная война,
И неприятная победа,
И недоставшиеся Веды,
И варварские племена –
Они все суть, но и не суть.
Могло бы быть гораздо плоше.
Вон brave драгуны ссуть,
Мочой отогревая лошадь.
— Мы где, мой верный мамелюк?
— Мой господин, мы за Можаем.
Мы поле битвы проезжаем,
И только вороны вокруг.
—А уж ни здесь ли дал я знать,
Что стоит колкий штык французский?
Ни здесь ли миру дал понять,
Что не играем мы в игрушки?
— Сир, это их Бородино.
Ещё стоят под снегом трупы.
Их тьмы и тьмы, и лица грубы.
Но это их Бородино.
Суворова богатыри,
Багратиона гренадеры
Навечно намертво вросли
В пропитанную кровью землю.
Они стояли грудью в грудь
За пращуровы их святыни.
Они живые, и поныне
И мертвыми наводят жуть.
Они на этом рубеже
Твою похоронили славу.
И после них тебе вотще
Потресть Христовую державу.
И будут так стоять века.
Поскольку вечно то, что свято.
И блеском мёртвого штыка
Сразят в грядущем супостата.

И император поскакал
 На жеребцах и до Парижа.
 От Фонтенбло до Эльбы ближе.
 Но Платов всех их обскакал.
 А легкомысленный Париж,
 Танцуя, преклонял колена,
 Склонял угодливые выи.
 «Есть место на полях России»,
 И есть на всякого Елена.

НАШЕ ВСЁ

Если Пушкин – наше всё,
 То тогда и Ленин – Пушкин.
 Также Пушкин и Гагарин,
 И Титов, и Королев,
 И Киркоров—Пугачев.
 И Никита Михалков.
 Пушкин, Пушкин, ты везде.
 И на небе, и в воде.
 И на суше, и в огне.
 И в Петровне, и во мне.

КРЕПОСТНИК

И я ещё тащусь охлюпкою,
 Запиской барина—охотника,
 И я ещё морально хлюпаю,
 Подремывая подлокотником.
 Гутарю с барскими крестьянами,
 С крестьянками обильно охаю.
 Дышу духами и туманами
 И проклиная жизнь жестокою,
 Ее закусывая рябчиком..
 Ах, братцы, как я был доволен...

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ВАЛЬС

1855 ГОД

Он, этот белый, этот стройный,
 Подтянутый и брюки в стрелку,
 Любимый, как невеста, город.
 Любой бы мог безмерно выпить
 Свою зуавову тарелку
 Свинцовой крепкой русской водки.
 И с головою разбамбашенной,
 И с вылезшими кишками,
 Как Мураками,
 лежать на бастионе мертвым,
 Прицел определяя башенным,
 Сливая яйца, кровью крашенные,
 На их тарелку.
 Но – брюки в стрелку.

ГОРОД ГЕРОЕВ

Нахимовские Наварины
 И Ушакова пируэты,
 Корниловские аксельбанты
 Плюс эполеты.
 И Лазаревская организационность
 С Истоминскою головою,
 Оторванной на бастионе
 Франко—английским калашом,
 Ошибкой нареченным «штуцером» –
 На том стоим мы
 С матросом Кошкой,
 Покачиваясь, но немножко,
 На службе во Владимирском соборе,
 На кладбище великих адмиралов.
 Все в сборе.
 Выпивши, но бодро.

СВ. АДМ. УШАКОВ

Убил он двадцать тысяч турок
 Магометанского поверия.
 Он в море утопил дивизию.
 А может быть и две – проверю
 Путем всезнающего гугла.
 И стратегические штучки
 Тугого парусного ветра
 Ввёл в смертный обиход и опыт.
 Но сделал город Севастополь –
 И этак обрел бессмертие,
 И был за то канонизирован
 Родимой православной церковью.
 И исполать. И исполать.
 Виси иконою в соборах.

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

А нам туда – в шашлычные дымки,
 Где смуглые мангальщики пиратами,
 Где ярких бус цыганские мотки
 Свисают с бычьих шей кооператоров,
 Где томные путаны кофе пьют,
 Лениво наслаждаясь пересменкою,
 Где клятв трудиться лучше – не дают,
 Не варят сталь, железо не куют,
 В политике не больно–то кумекают.
 С утра купить билет, а как дожить
 До вечера – не стоит и загадывать.
 В автобусе над городом кружить
 И сверху в город, как в кувшин, заглядывать.
 Глотать у моря йод, хлебать озон,
 Пить пиво из стаканчика помятого,
 Сквозь пальцы утекающий сезон,
 Не торопясь и не скупясь, проматывать.

ЧЁРНОЕ И КРАСНОЕ

Чёрное море красной икры –
 Ложкой за обе щеки бери.
 Море течет разлитое.
 Моря – джакузная ванная.
 Чёрное—красное чёрной игры.
 Нечет на нечет, чёт через чёт.
 Чёрное море, замри.
 Ну—ка подай—ка мне счет и расчёт,
 Чёрный в полосочку красную чёрт.
 Выживи или умри.
 Раз, два, три.

ГОЛУБОЙ ШАР

Среда перетекает в пятницу,
 А жизнь перетекает в смерть.
 И где тот чистый твой четверг?
 Тебе ль ни знать про это, пьяница,
 Тебе ль на полдороге чваниться,
 Пока твоя худая задница
 Что вниз, что вверх
 Бравурно испускает смердь?
 Ты улочками незаметными
 Пойдешь как будто нипочем,
 С несносной ношей за плечом
 Прощаться с тенями заветными,
 Пройдешь пока ещё хлыщом.
 Но не дойдёшь, но обмишуришься,
 Вдохнёшь с трудом:
 Эх, братцы, где же эта улица
 И этот дом?

КАТЕР «ОСТ»

А волны плотные, как молнии,
 Для выстрела тугого скручены,
 А катер режет эти линии,
 А в небе, ко всему прирученный...
 Ну и так далее, так далее,
 А мы уже проходим створом.
 И море щерит вод усилия,
 И кормщик хмурит брови домиком,
 Но норовит пристать, как минимум,
 Под мной колеблимым домиком.
 Которым на счету? Которым?

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ БУХТА — РАДИОГОРКА

Суворов там складировал заряды,
 Чугунные увесистые ядра.
 Попов же изобрёл радиоволны
 На противоположном берегу —
 Банальное обыденное радио,
 Которым мы сегодня переполнены.
 И между этими двумя топонимами
 Гуляют вольно волны.

ПЕРЕПРАВА

Здесь катер – как у вас троллейбус.
 Общественный обычный транспорт.
 И стоит две с полтиной гривны.
 И он, как с Патмоса до Лесбоса,
 Переправляет пассажиров
 В кроссовках среднестатистических –
 То рыбака, то винодела,
 То бабу, то гетеру страстную –
 Но вам, надеюсь, это ясно –
 Обыденного обитателя
 Привычного архипелага
 До пристани «Радиогорка»
 Рабочей серенькой лошадкой,

Побочным судном «Орионом»,
 Где служит намертво Хароном
 Военный капитан бездействующий,
 И списанный, и пенсионный.
 Священнодействующий.
 Стоят матроны враскорячку,
 Бедром учитывая качку,
 Стоят в ненужных южных шубках,
 Которые ноблесс оближ.
 Они под бортовую качку
 В преддверьи шторм—предупреждения
 Но тем не менее – не менее
 Беседуют о парфюмерии.
 А волны за борт перехлёстывают,
 Бурлят за снова и здорово,
 На самом деле,
 Поскольку Посейдон неистовствует,
 Поскольку Рождество Христово.
 А те – о радостях «Шанели».

НА ПОСЕЩЕНИЕ ХЕРСОНЕСА

Эльвире Анатольевне Васильченко
 Звонят к вечерне во Владимирском,
 Но мы с Эльвирой Анатольевной,
 Которая не зарифмуется
 (Спаси, Христос, Христос нас сорри),
 Приходим, словно два язычника,
 На брег бушующего моря.
 Придём и сядем на скамеечку,
 И замолчим, уткнувшись в волны.
 Там смысла—то на две копеечки,
 Зато на два там Баха музыки.
 И мы сидим и тихо мёрзнем,
 Стихии трепетные узники.

ПЯТЫЙ КИЛОМЕТР. ГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Отживёшь чего положено –
И тебя туда положат.
Потому что кладбище –
Тел отживших складище.
И ничто не повторится.
И лежи себе лет тридцать.
И с бочка, и на бочок.
А потом зайдет внучок,
Незавидный, старенький,
Может даже в валенках.
Сядет бабке под бочок,
Выпьет водку–коньячок
И всплакнет, как маленький.

БЕРЕГ МОРЯ

Берег моря был скалист,
Берег моря был углист
И извилист, точно глист,
И развёрнут был на ист.
Я не посидел в тюрьме.
Это каянье на мне.
И сидеть на берегу,
На открытом берегу,
Не могу, ну не могу.
Мне б в застенок, мне бы в клеть.
Вот бы взять бы посмотреть
Вот бы там и умереть.
Но уж лучше здесь.
Наглотаться моря всклень
И в воде его сопредить.
Всмерть.

ДУРАКИ

Двенадцать тысяч дураков
(И я таков, вдвойне таков,
Втройне таков)
Сидим и ждем от году к году
От моря тёплую погоду.
А там – шторм, а не бриз.
И трап не вверх ведёт, а вниз.
На дно.
И всё одно.
То-то и оно.
Но.
О.
Ого.

МОСКОУ — СИТИ

10 ЯНВАРЯ

Я видел Пушкина, и заходило солнце
В его курчавой и чугуновой голове.
И излетал оттуда легкий вольный дух.
А телефон звонит и не дозвонится.
Зато звонит и колоколит звонница,
Звонят у Иоанна Богослова.
Зато рысит Тверским бульваром конница,
Полицей—мэрская мирская мотоконница,
И цокает, и всё за кем-то гонится.
И снова всё здорово.
Я в Москве.

10 ЯНВАРЯ. К ВЕЧЕРУ

Я видел Пушкина, а он меня не очень.
Но я ему и слова не сказал,
Ни буквой, ни глаголом не прижег.
Зачем нам заводить базар-вокзал?
Тем более, что дело было к ночи.
И не Дантес я. Да и он – не Пушкин.
А так – две металлические массы,
Бесчувственные до литого звона,
Обеззараженные до озона.
Резонно?
Промзона.

ЛИТИНСТИТУТ. ВНЕШНИЙ ВИД

Над службища моим фронтоном
(И я бы уточнил, — в служении),
Девяток муз не дуют в ус,
Пасомы голым Аполлоном
Обдутым хладным Аквилоном,
Гомера зная наизусть.
Они и все недоодеты,
Они настойчиво сексистски.
Вот таковы же и студенты,
А паче чаянья студентки,
Любимый мною контингент
Богами созданного вуза,
Который осенила Муза.

ПОБЕГ

Разбудит будильник.
Заржет холодильник.
Надену одежду,
Одену Надежду,
Похолю ей холку.
И обувь обую
На ту и другую.
Из выхода выйду
На выход, на выход.
У сердца барсетку
Держа, как иконку,
Бросаюсь в подземку.
Ни пеший, ни конный,
Скольжу по наклонной.
Ищите иголку!
Над головоломной
Голово-обломной
Той головоломкой
Качайте головкой.
К истоков истоку,
В ощеря пещерку,
Туда, где с головкой

И с ручками, — ловко
 Ныряю головкой.
 Травую подводной,
 Плотвою подледной,
 Вагоном колеблем,
 Зажатый по шейку —
 Молчу втихомолку.
 Я – зайчик, я – с-пальчик ,
 Я мчу неугодно
 и богоугодно.
 Под мной – апельсины,
 Простор Аргентины.
 Так Богу угодно.

УГОЛ ДОБРОЛЮБОВА 9/11 И РУСТАВЕЛИ 11/9

Завязли руки Добролюбова
 В пожатье жарком Руставели
 И в парке не по-детски хлюпают,
 Исходят стоном карусели,
 В которых детворой воссели.
 И ветер вынесся и выросся.
 И слёту нам мозги выносит.
 Ты на сносях, а я на выносе,
 Мы оба – фишки в порнобизнесе.
 А детки детской каши просят.
 И мы после крутого дискурса,
 И мы после вчерашней бражки
 Возьмем и истово–неистово
 Наварим каши.

МЕТРО

На рас-станции подземельной,
 На под-станции переходной
 Я целую тебя, как розу.
 Ты целуешь меня, как жабу,
 От брезгливости содрогаясь
 И от вежливости потея.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Закрыта площадь Маяковского.
 По ней разруливают танки
 Моей несбывшейся победы.
 И мне не подойти к борделю,
 Который на задах «Пекина»
 Умеренные держат чурки,
 Владея третью Поднебесной
 И акциями билайна.
 Да нечего мне там и делать,
 Поскольку нас разъединила
 Дугой Садового кольца
 Мультикультурная Москва.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Мне подарила девушка парфюм,
 И от меня повеяло гламуром.
 Я был озлоблен, мрачен и угрюм,
 Запущен, полон бесполезных дум.
 Теперь я не таков.
 Я весь – сплошной перформанс.

КОЛБАСА

Я проснулся сегодня советской такой колбасой,
 Даже целым сплетеньем и связкой колбас,
 несъедобным проснулся и полубосой.
 Я без денег проснулся, без нин, без наташек, без зой,
 я в отчаяньи вышел из сна, как из дома Толстой.
 Я бы умер, но тут мне великий припомнился Цой,
 Который учил, что главное всё-таки в нас.
 Группа крови твоя во мне.
 Кроха праха моя в тебе.
 И висеть бы на рукаве,
 Только изнутри, не извне.
 Только в тебе.

ДЕЛА

Вино – вином.
Беда – бедой,
А дело делом.
И надо быть примерным лектором,
И излагать душой и телом,
Хотя бы тело не хотело,
Своим неграмотным корректорам
Начатки русской пунктуации.
И может быть от этой акции
Произойдет в миру свершение.
К чему-то светлому смещение.
Очутится преображение.
А не произойдет – не менее:
«Кавычки, точка, запятая
И минус рожица кривая».
Мне платят, и с меня хватает.
Но ненавижу ихьи мнения
В начатках русской пунктуации.
Куда вам, братцы, до редакции
(Хотя вы в большинстве сестрицы)!
Гуляйте-ка по рекреации.
По кафедрам шукайте принцев.

МОСКВЕ

А ты была моей эпохой.
И ты была моей шалавою.
А ты была моей обновой.
А ты была моей державой.
И ты была моей тирадою,
Атакою и ретирadoю.
Я потерял тебя и охаю
За упокой твой и во здравие.
А жить уже всего и нечего
И смерть стоит, могилой ратуя.
И что ж ты смотришь недоверчиво?
Ведь я люблю тебя, проклятая.

И я виниловой пластинкою
Кручусь-верчусь, не перестану.
А ты была моей подстилкою,
А ты была моей простынкою.
Ничем я без тебя не стану.

К О Н Е Ц   К О Н Ц О В

ЗЕРКАЛО

Смотрюся я в зеркало,
Но потерял лицо,
И зеркало меня не отражает.
Ни глянец щёк моих,
Ни губ румянец.
Но всё-таки стою и тупо пялюсь,
Как извращенец и невозвращенец.
Как непрощенец.

ДАРВАЛДАЙ

Колокольчик дарвалдая,
Я бодал кого попало.
Я бодал куда попало.
И меня в ответ бодали
В колокольчик дарвалдая.
Я хотел тебя забыть.
Не случилось.
Не случилось.
А куренье убивает,
Как нам пишут на коробках.
Убивает также пьянство.
Убивает насмерть жизнь.

УТРО

Бездонное море моих слов
Волнуется в никуда,
И не доходит до неба зов,
И я сорвался с основ основ,
И мне не светит звезда.
И косноязычна моя речь,

И тело моё непослушно мне.
И нет ни церковных, ни прочих свеч,
Которые вставить или возжечь.
И весь я в вине, в вине, в вине.

ТРИЗНА

А маму мы похороним
В сердцу родины саму
Мы похороним маму.
Мы жизнь свою провороним,
Но зато похороним маму
На кладбище Петроверигском
В метели и стуже лютой,
Под грохот чужих салютов
В мерзлой московской земле.
Туда мы зароем маму
Так в январе – феврале.
И сделавшись только обмылки,
На маминых на поминках
Выпьем по чарке кофе,
Русского водки «Нестле».

НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Ужас, что душа от тельца
Вдруг со временем отделится.
Жили-пожили сам-друг,
А образовался труп.
А душа? А где душа?
Не известно ни шиша.

25 ДЕКАБРЯ

Мама шапочку связала.
Шапочка с меня пропала.
Мерзнут бедные мозги.
А вокруг – зима, ни зги.

Шапочка моя пропала,
Да и сам я запропал.
Закатился в уголок,
Чтоб никто не уволок.
Бес нашел и уволок.

ПРОЩАНИЕ

Буду тихо на погосте
Под доской дубовой спать.
И ко мне приидет в гости
Неукрашенная мать.
«Здравствуй, сладостное чадо» —
И прольёт поток любви.
«Мамо, ничего не надо.
Мамо, лишь благослови...»
И она благославляет
Алмантовым перстом,
Но надежд не оставляет
Ни о этом, ни об том.

НАДО

Надо маму воскресить,
Надо девочку вернуть,
Надо древо посадить,
Уж не говоря о сыне
Во плоти,
Воплоти.
И тем более о доме.
Надо бы купить пальто
– но ни это, и ни то
Не выходит как-то ни за что.
И вот стою в неизвестности
И чешу у себя в промежности
В море высокой словесности
В неопознанной местности.

ВСЁ ИСКЛЮЧЕНО

ь.

Сначала пропадают ближние,
Но пропадут потом и прочие,
Сюда включая части тела,
Мозги и прочую лузгу,
Сюда включая и еду.
Темнеет ночь свинцовоночия.
И вот сидишь на кухне дочери
Невыносимым самоваром,
Во многих смыслах обездвиженным.
Тебя там пестуют и потчуют.
Но ты сидишь уже задаром
И жизненным исходишь паром.

И ПУСТЬ

И пусть никто не извинит,
И пусть на холоде развеется
И колокольчиком звенит
Моё умерзшееся тельце.
Пусть распадется на куски,
На ручки там или на ножки.
Пусть смерть пожрет его в куски
Рекой времен в своем стремлении
И унесет тела людей
Помножку или понемножку
В молчаньи лиры и трубы.
И общей не уйдем судьбы.

ПОСТОЙ!

Умрешь – и пригласят убраться полемойку,
Какая выкинет ПК мой на помойку.
А там – души кусок и спермы сочный сок.
Там, может, дух немисливо высок.
Степановна, голубушка, постой-ка.
Ведь неужели целиком умру?
Родная, тпру!

ИЛ

Когда не станет слов и неостанет сил,
 Затянет, засосет холодный донный ил.
 Зеленый вязкий ил, слоистый пластилин,
 Болотистых могил всеильный властелин.
 И липкая струя обнимет, повлечет,
 И склизская змея по горлу протечет.
 И окунется в скорбь души моей клочок,
 И погрузится в топь души моей ковчег.
 И прекратится ток отмеренных годов...
 Я не готов. Ещё я не готов.

СТЕНЬКА

Из-за острова на стрежень
 Выплываю голым трупом
 Раскрасавицы княжны,
 Понасаженной на стержень
 Многократно неприятно.
 С обезглавой головой,
 Понавыкинутой за борт,
 Понабитой, позабытой.
 Но плыву и на плаву.
 Брассом не спеша плыву.
 Волгу-матушку зову.
 Всех ещё порву.
 Тем живу.

ШЕСТЬ БУКВ

«П» называют «вечный покой».
 «О» есть ничто неизвестно на кой.
 «Икс» – очевидный Андреевский крест.
 «У» – полудушному и однорукому.
 «Й» – это птичкой Христосе воскрес.
 «Ю» – лобызанье с Юдою-сукою.

ГОНЕЦ

Вестник смерти прилетел.
 Под бочок ко мне подсел.
 И елозит, и юлит.
 Извертелся весь.
 Значит – или что болит,
 Или будет весть.
 Пахнет вестник не елеем,
 Пахнет тошнотворным клеем,
 Пахнет носками носками,
 Что вчера мы потеряли.
 Пахнет гробными червями,
 Бледной вычурной поганкой,
 Всем известной декаденткой.
 Пахнет старческим гавном,
 На пол пролитым вином.
 Пахнет... Да не в этом дело.
 Смердоносит без предела.
 Говорит: «Присядем, посидим
 Несколько минут,
 А потом и полетим.
 Нас ждут».

БИОЛОГО-ПОЧВЕННОЕ

Человек лежит в гробу.
 Человек собрал толпу,
 Чтобы огласить судьбу.
 Бу-бу-бу и бу-бу-бу, –
 Не мешая слезам течь,
 Говорит оратор речь.
 Но не слышит тела слух
 Длинный ряд своих заслуг.
 Лишь испытывает страх
 Перед бездной робкий прах.
 Голосят над телом вслух
 Сын, жена, жена и внук.
 Стоны вдов и крик сирот

Исторгает каждый рот.
 Красный гроб, как красный струг,
 Поднимают десять рук,
 И покойник в полный рост
 Отплывает на погост.
 Но немного враскоряк,
 Инда истинный варяг.
 Гроб над улицей плывет,
 Люд на кладбище зовет.
 Умоляет: «Каждый брось
 Мне на крышку почвы горсть».
 Яма свежая видна,
 Но не видно яме дна.
 Там земля разверзла пасть.
 В пасти телу и пропасть.
 В кухне между тем с утра
 Жарят—парят повара.
 На гостей и на семью
 Варят повара кутью.
 И к событиям глуха,
 На сносях сидит сноха.
 В ней в пучине мокрых вод
 Плавает плотвою плод.
 Улыбается сноха
 И не видит в том греха.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

О.П.С.Т.

И встретит Вергилий, и следом Дант,
 И вся небесная рать,
 И вся их райская честь,
 Блаженная иерархия,
 И вся их благая весть,
 Которой на всё насрать,
 И проведут во ад.
 (Яблоку негде будет упасть
 И не во всякую пёсью пасть.
 И будет уже и некуда сесть).
 И скажут: «Направо у нас Рай.

А вы полевой пока забирай,
 Но всё у нас в принципе есть,
 Ваша честь».
 И мы им ответим: «Есть!»,
 Чихая, кашляя, харкая.
 Каркая.

АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ

У.Ф.Х.Ц.Ч.

И мы обмерзнем в небесной тьме
 И будем сами себе на уме.
 И сами будем лететь по себе
 В холодном ночном ледяном огне,
 В абсолютной слепящей тьме
 Параболою вполне.
 И тебя не будет нисколько во мне,
 А меня не будет в тебе.
 Бээээ.
 Простое козлиное бээээ.

ПРАВИЛО ПЕШЕХОДНОГО ДВИЖЕНИЯ

Э.Ю.Я.

Не наступай на люки никогда,
 Ни жарким летним днем, ни даже стужей лютой,
 Поскольку сразу попадаешь в преисподнюю,
 В которой прогоришь зазря дотла
 И полностью,
 И полостью,
 И с подлостью
 В геенне огненной последнего костра,
 Но только не сегодня, не сегодня.
 Тебя же там ещё и поиспользуют.
 И не спасёт и иорданская вода.
 Не наступай на люки никогда.
 Придет беда.

КОНЕЦ ЧЕРНИЛ

Из-под решёток, из коллектора
 Тяну я к вам наружу ручку.
 Но вы проходите, не глянув,
 Но вы торопитесь по делу,
 Спеша на службу или в дружбу.
 А мне всего-то нужно ручку,
 Чтоб нашу описать историю,
 Какая после крематория
 На третьи сутки начинается.

Ъ.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
Сергей Шулаков ЗНАК ЧЕТЫРЕХ	4

Вадим Доветров ЗДЕСЬ РАНЬШЕ ДЕРЕВО СТОЯЛО

ПРОСТИТУТКИ НА ЛЯПУНОВА	9
ЗДЕСЬ РАНЬШЕ ДЕРЕВО СТОЯЛО	10
ОТЦЫ И ДЕТИ	11
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В РОТЕ	12
МИНОТАВР	13
НИКОГДА ОН НЕ БЫЛ ВЕДОМ	14
ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ	15
ЗИМОЮ В СОРОК ТРЕТЬЕМ	16
ВОЗЛЕ СТАНЦИИ В БАШНЕ КИРПИЧНОЙ	17
ПОМНЮ, КАК МЕНЯ НАСТАВЛЯЛ ОТЕЦ	18
АНГИНА	18
ДАЧА ПРОПИТА КАК МОБИЛЬНИК	19
ВСПЫХНЕТ ВЗВОЛНОВАННО СПИЧКА	19
У СТАНЦИИ ВЫСОТНЫЙ ДОМ	20
ОТЪЕЗД	21
ОКтябрьское поле	24
ДВА ВЕРЛИБРА	25
СНЕГ ПАДАЛ ДО СЕДЬМОГО ПОТА	26
ПОЙТИ НА РЫНОК, ЧТОБ КУПИТЬ	27

ПОСЛЕДНИЙ РЕФЕРАТ	27
ПО СТЕНЕ ПОЛЗЁТ ТАРАКАН	28

Ирина Грацинская
И Г Р А

ЛЮБОВЬ

PLUS	31
ВОТ ПОДИ Ж ТЫ...	31
ЛЮБОВЬ	32
КОГДА НЕ ЛЮБЛЮ	32
КОШКА	33
ВОТ КУПЛЮ СЕБЕ ЗАПАХ	33
НА ОТЧИТ	34
СТОП	34
...И ПОЗАБУДЕШЬ	35
НЕ ПОДУМАЙТЕ	35
АФРИКА	36
ЛЮ	36
ПОНЕДЕЛЬНИК	37
ШТУЧКИ	37
ВОТ ЦЕЛУЕШЬ	38
НИ О ЧЁМ	38
А ЕЩЁ...	38
БУДУ	39
АПРЕЛЬ	39
НЕ ЩЕПОТЬЮ НЕ ЛОЖКОЙ МЕРНОЮ	40
ВОДА	40
АЗЫ	41
СНАЙПЕР	41
ПУЩЕ ХЛЕБА	42
ПОЖАЛУЙ	42

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ	43
НА ДУХУ	43
В ЭТОМ ЛУЧШЕМ...	44
НАЧ ШК	44
ТЕПЕРЬ Я ХОЖУ ПО КРУГУ	44
НЕ МЕШАЙ	45
ПРИГОРОДНОЕ	45
ЧТОБЫ ГОРА	46
РАСТ	46
ТЫ ДОЛЖЕН	47
ПЕРЕГОНКА	47
НА БАНТИК	48
МИМО	49
АПНОЭ	49
МЫ НИКОМУ С ТОБОЙ НЕ СКАЖЕМ...	50
ВОСЬМОЕ	51
ЖЕНЩИНКА	52
БОЯЛАСЬ	52
РЮШКИ	53
РУКИ НА ГРУДЬ	54
ОКТАВЫ ДЕТСТВА	55
МАМ	55
ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ ДОЧУРКЕ	56
А ПОТОМ ТЫ УМРЁШЬ	57
ОТ МИРА	57
И БЫЛО...	58

EXPORT—IMPORT

ВЕЧНЫЙ ЖИД	59
КОМУ ОТПРАВЛЯТЬ ЭТИ ПИСЬМА	59
ПРИЮТ	59
ГОРОД БИСТРО	60
EXPORT—IMPORT	60
COMTOIR	63

БЕРЕГА	63
BRETAGNE	64
НЕМНОГО ИНАЧЕ	66
ИЗ ДОРОГИХ	66
ЛУВР МАЛЫЕ ГОЛЛАНДЦЫ	66
С ВЫСТАВКИ	67
САД	67
СHEMIN	68
В ЭТОЙ СТРАНЕ	68
ПОГОВОРИЛИ	69
БЕЛАЯ ЛОДОЧКА	69
ВИДИШЬ	69
ОНА БУДЕТ ТАЯТЬ ТАЯТЬ...	69
ДАЙТЕ	70
ПРИПАДАЯ	70
ЛИДСКИЙ	70
ЗАНЯТНО ВРЕМЯ ПРОТИРАТЬ ПЛАНКТОНОМ	71
ЧИТАТЬ ЧУЖИЕ СТИХИ	71
ТАПОЧКИ	71
СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ	71
ТАК НА ЧЁМ ЖЕ ДЕРЖИТСЯ ЭТОТ МИР?	71
КИЛЕМ ТОЛПУ РАЗРЕЗАЯ	71
ОСЕНЬ	72

ГОРОД

ГДЕ-ТО ТАМ...	73
СРЕДНЯЯ ПОЛОСА	73
СДОБНОЕ МЕТРО	74
SVO — БЕЛОРУССКИЙ	74
МОСКВА—КРЕСТЫ	75
НАШИ	75
ПРОЕКТ РОССИЯ	76
ВЕК ЖЕЛЕЗНЫЙ...	78
НА ПАНЕЛЬ	77

НЕ НОСИТЬ	77
МОЙ	78
Я УЕДУ	79

Ирина Косых НИЧЕГО ТАКОГО

СОЛНЦЕ ВЗОЙДЕТ	81
ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН	81
БУДЕТ МУЖ МНЕ	82
MIKEY	82
В ПЕРВЫЙ РАЗ ОНА СПАДАЕТ С ЛИЦА	83
СЕМИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ПРОФЕССОР	
С РАКОМ ПОДЖЕЛУДОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ	84
РАССКАЖИ МНЕ ИСТОРИЮ	84
ТЕПЕРЬ ТЫ РАЗМЫШЛЯЕШЬ О СВОЕМ	85
ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО	86
МАЙОР ЕВСЮКОВ	87
НИЧЕГО ТАКОГО	88
ЗАВИСТЬ	88
КОСМОС	89
НА ДУШЕ КАКАЯ-ТО ЗАВЯЗЬ	89
Я В АВГУСТЕ ГРУЩУ ПО СЕНТЯБРЮ	90
ОПОЗДАНИЕ	90
НЕТ СМЕРТИ	91
С ТОЙ СТОРОНЫ	91
КОГДА Я ДУМАЮ О ТЕБЕ	91
ЭТО БЫЛ КРУТОЙ БЕРЕЖОК	92
ОДНАЖДЫ - ЭТО ЗНАЧИТ НИКОГДА	92
БЫЛА ТРАВА ЮНА И ВЫСОКА	93
СИЯНИЕ ОКТЯБРЯ ТАК ЗЫБКО И ТЕКУЧЕ	93
ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ, КАК СТРАСТИ, БЕЗНАДЕЖНЫ	94
ПО ОСЕНИ ВСЕ ЗАПАХИ ОСТРЕЕ	94

ЧАСТО СНЯТСЯ ГОСТИНИЦЫ И ВОКЗАЛЫ	94
УМУДРЕННЫЙ ПОРОКОМ ВСЕ БОЛЬШЕ МОЛЧИТ	95
ТЫ ЗНАЕШЬ, МАРФОЙ Я УЖЕ БЫЛА	95
ОСЕННИЕ МУХИ СТУЧАТСЯ В ОКНО	96
ЛЮБОВЬ МОЯ, КАК СОН ПРОЛЕТАЕТ БЫСТРО	96
ДЫША ДУХАМИ, СИГАРЕТАМИ	96
Я ЧУВСТВУЮ КАКУЮ-ТО НЕПРАВДУ	97
ПОЧТИ	97
ГАГАРИНА	97
ЗАЧЕМ ЗОВЕТЕ ВЫ МЕНЯ	98
НОЛЬ ЖЕЛАНИЙ	99
ХОЛОДЕЮЩИЕ НОЧИ	99
«ЖИГУЛИ» ЗАЖИГАЮТ	100
Я БРЕДУ, КАК ВО СНЕ, НАУГАД	100
В СУЩНОСТИ, ЧТО ОСТАЕТСЯ ПОСЛЕ	100
КРОТКАЯ! Я ОЧЕНЬ КРОТКАЯ!	101
НЕ ХОЧУ ТУДА, ГДЕ СЛЕЗЫ БЫЛИ ЛЕГКИ	101
ДЕВОЧКА МОЯ НЕЖНАЯ	101
ГОЛАЯ КОРОЛЕВА ЛЮБИЛА ПИТЬ ВОДКУ	102
МАЛО СКАЖЕШЬ, А БУДЕТ МНОГО	102
ВЕЧНОСТЬ. ЯСНО. ДЕНЬ ФЛАМАНДСКОЙ ШКОЛЫ	103
I'M LOVING IT	103
СОЛОВКИ	104
МЕЖДУ НАМИ – НЕБО	104
ВСЕ УКРЫТО СНЕГОМ	105

Алексей Антонов
ЭКОНОМ—КЛАСС

ВВЕДЕНИЕ В ПРЕДМЕТ

ДУША ПОЭТА	107
АЗ ЕСМЬ	107
КОЛХОЗ	108

БОЕВОЙ ЛИСТОК

СЕСТРЕ	109
НА ПОСЕЩЕНИЕ ВЕЧЕРНЕЙ (СМЕННОЙ) ШКОЛЫ № 3	
Г. СОКОЛА ОТДЕЛЕНИЕМ ВОЕННЫХ СТРОИТЕЛЕЙ	110
НОВЫЙ 1980-Й ГОД НА СОРТПЛОЩАДКЕ	
ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕГО ЗАВОДА 223	
ВОЕННО-СТРОИТЕЛЬНОГО ОТРЯДА	
(Г. СОКОЛ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	111
ПИСЬМО ДЕМБЕЛЯ	112

КОФЕ-БРЭЙК

БИЗНЕС-ЛАНЧ	113
НЕХИТРЫЕ ПРЕДМЕТЫ	114
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ВЕКА	115
ЗОВ	115
ДОЛЯ	116
ПЕРЕХОД ТУДА	117
ПРОСТО ПЕРЕХОД	117
ВОДКА КОНЧИЛАСЬ	117
ОБРАЗ ЖИЗНИ	118
ДУША	118
«КЕНТ», ЕДИНИЧКА	119
ПРОЦЕНТ	119
КУРЬЕР	119

НО ЖИВ	120	ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ	
НО МЁРТВ	120	ЛИТЕРАТУРЫ	132
ПО БЫСТРОМУ	120	ПУТЬ	132
ВЫВОД	121	ИГРА ПРЕСТОЛОВ	132
КЛАССНЫЙ ЧАС	121	ВТОРОЕ ИГО	133
GAME OVER	121	АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ	133
УЩЕРБНАЯ ЛУНА	122	АВВАКУМ ПЕТРОВИЧ	134
СЕНЬКА	123	БРАТЬЯ ОРЛОВЫ. ПЕРЕВОРОТ	134
ПРЕЖНИЕ РЕСТОРАНЫ	123	РЕТИРАДА	134
РАЗГОВОР	124	НАШЕ ВСЁ	136
ВОТ ТЕ И НА...	125	КРЕПОСТНИК	136
СБОРЫ	125		
ДР	125		
ПУТАНИЦА	126	СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ВАЛЬС	
ЖЕЛАНИЕ	126	1855 ГОД	137
ПУТАНИЦА-2	126	ГОРОД ГЕРОЕВ	137
		СВ. АДМ. УШАКОВ	138
ЕЩЁ НЕ ВЕНОК, НО УЖЕ БУКЕТ		БАРХАТНЫЙ СЕЗОН	138
В ЗАПАС!	127	ЧЁРНОЕ И КРАСНОЕ	139
БЕССОННИЦА	127	ГОЛУБОЙ ШАР	139
ИМПОТЕНЦИЯ	128	КАТЕР «ОСТ»	140
		Артиллерийская бухта — радиогорка	140
ИЗ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ		ПЕРЕПРАВА	140
ДАВИ ИХ!	129	НА ПОСЕЩЕНИЕ ХЕРСОНЕСА	141
РУССКИЙ ШЕКСПИР		ПЯТЫЙ КИЛОМЕТР. ГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ	142
1. ГАМЛЕТ	129	БЕРЕГ МОРЯ	142
2. ЛИР	130	ДУРАКИ	143
3. РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА	130		
4. ОТЕЛЛО	130	МОСКОУ — СИТИ	
5. БУРЯ	131	10 ЯНВАРЯ	144
ОСТРОВ УЕДИНЕНИЯ В МИХАЙЛОВСКОМ	131	10 ЯНВАРЯ. К ВЕЧЕРУ	144
ПИСАРЕВ — ЧЕРНЫШЕВСКОМУ	131	ЛИТИНСТИТУТ. ВНЕШНИЙ ВИД	145
		ПОБЕГ	145
		УГОЛ ДОБРЮЛЮБОВА 9/11 и РУСТАВЕЛИ 11/9	146

МЕТРО	146
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	147
ПРЕОБРАЖЕНИЕ	147
КОЛБАСА	147
ДЕЛА	148
МОСКВЕ	148

КОНЕЦ КОНЦОВ

ЗЕРКАЛО	150
ДАРВАЛДАЙ	150
УТРО	150
ТРИЗНА	151
НЕИЗВЕСТНОСТЬ	151
25 ДЕКАБРЯ	151
ПРОЩАНИЕ	152
НАДО	152
ВСЁ ИСКЛЮЧЕНО	153
И ПУСТЬ	153
ПОСТОЙ!	153
ИЛ	154
СТЕНЬКА	154
ШЕСТЬ БУКВ	154
ГОНЕЦ	155
БИОЛОГО-ПОЧВЕННОЕ	155
БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ	156
АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ	157
ПРАВИЛО ПЕШЕХОДНОГО ДВИЖЕНИЯ	157
КОНЕЦ ЧЕРНИЛ	158